

Н

а исходе 1980-х годов по газетным делам попал я в райцентровский колхоз «Кантемировец». Записал в свой журналистский блокнот с золотым фирменным тиснением на обложке названия воронежской областной газеты «Коммуна» нужные для статьи фамилии, цифры и факты. Положил, было, его в карман, как пришлось открывать вновь. Мой собеседник, колхозный парторг Владимир Плужников, вдруг сказал, что вернулся из Донбасса, где жил и трудился раньше. Там видел выпущенную в Киеве книгу стихов Евгения Плужника. Владимир Иванович добавил: «А ведь родом поэт из нашей Кантемировка, и у нас его никто не знает. Хотя там его называют классиком украинской литературы».

Вернулся домой в Россошь, позвонил в Харьков доброй знакомой, актрисе Левченко. Светлана Анатольевна работала в Воронежской филармонии наездами. Создала «театр одного актера» и часто с успехом выступала со спектаклями перед зрителями, как тогда говорили, в трудовых коллективах. Попросил ее поискать в магазинах нужную мне книгу. Человек она надежный. Вскоре позвонила из Лисок, это ближняя к нам железнодорожная узловая станция, куда она приехала на гастроли. «Книгу привезла, даже не одну — два экземпляра».

Мне везло. Гостиница у вокзала. Поблагодарил за покупки. И сразу же успел на уходящий попутный поезд. Нашел свободное место у окна. Открыл плотный томик. В предисловии убедился, что поэт, действительно, наш земляк. А вот стихи так захватили меня, что я очнулся, когда громкоголосая проводница на весь вагон объявила: «Кому Россошь! Кому — роскошь!» Она знала, что говорила: люд сорвался с насиженных мест и повалил к выходу. С перрона уже до умопомрачения вкусно запахло яблоками, грушами, медом, подсолнечным маслом и доносились зазывные крики торговцев.

Шел домой неизъяснимо радостный, можно сказать, в обнимку с книгой. И душу грело то, что Плужник — нашенький.

МАКОВ ЦВЕТ

Евген...

Читаешь — имя звучно. Произносишь, оно вроде грубовато, не ласкает слух. Впрочем, его хозяин, о ком речь, именно в написании себя означил так:

Евген Плужник — поэт.

А в жизни он же был Женя, Евгений. В сельской православной семье, где он появился на свет на исходе девятнадцатого века — 26 (14) декабря 1898 года, почитали как святцы, так и книгу. Старшие братья и сестры учились — в школе и гимназии, в университете и институте. Непременно на полках стоял «Евгений Онегин». Из пушкинской плеяды — считай, земляк — Евгений Боратынский, написавший пророчески для многих:

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!..

Родился и рос Женя Плужник в слободе Кантемировка, на Воронежской Слобожанщине. Здесь на плодороднейших — родючих — черноземах веками живут русские и украинцы. Здесь на равных звучат русские и украинские говоры, песни. Потому неудивительно, что выпускник русской классической гимназии (а учился Евгений в Воронеже, Богучаре, Бердянске, Боброве), волею судьбы в годы Гражданской войны попавший на Полтавщину, а затем осевший на постоянное жительство в Киеве, легко обрел себя в литературной стихии украинской мовы.

Время было трагическое. «Нелегкая досталась доля» и Евгению, Евгению Павловичу. Рано осиротел, оставшись без матери и отца, терял родных братьев и сестер. Здоровье точил наследственный недуг, трудно поддававшийся лечению туберкулез. Но трудился Плужник невероятно много. В наследии — три поэтических сборника, роман, киносценарии и пьесы. Участвовал в составлении русско-украинского словаря деловой речи, который переиздается и поныне. Переводил на украинский Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького. Успел переложить и три книги романа «Тихий Дон» Михаила Шолохова, который, чуть позже Евгения, учился тоже в Богучарской гимназии.

Работал — творил как каторжник, будто предчувствуя, что безжалостная судьба отпустит ему на вдохновение всего-то толику счастливых лет.

По злому навету Плужника незаконно осудят в декабре 1934 года. А в последний день января 1936-го он завершит свой короткий — в тридцать восемь лет — земной путь на больничной койке в лагерном лазарете. Его могила затеряется в земле Соловецкой.

* * *

Позабывтое присловье «белый свет — маков цвет» точнее точного высвечивает его жизнь. Отцвел, едва успев ярко вспыхнуть.

Евген (Евгений Павлович) Плужник

Когда в старом Киеве от небесной купола-ми Софии, от Золотых ворот спускаешься в Крещатую долину, на Крещатик, по улице Прорезной, вдруг останавливает тебя мемориальная доска. Будто из расколотой вечной земной мерзлоты, будто из последних сил разорвав гранитную твердь, смотрит на мир светлый лик поэта. Добиваясь портретной точности, скульптор Александр Иванович Чеботарь на фотографиях до миллиметра измерял глаза, нос, губы и их расположение на лице. Настенный памятник напоминает прохожему: на рубеже 20-30-х годов в шестизэтажном доме вековой постройки — под самой крышей «на поверси шостом» — жил и творил Евген Плужник — один из великих украинских поэтов XX столетия, поэтов шевченковской школы.

Поэт в одном ряду с Тарасом Шевченко — так, кстати, и заявлено во вступительном

слове к книге его стихов. Правда, дотошный читатель такие оценки, хоть и напечатанные в авторитетных изданиях (украинская серия «Библиотека поэта»), высокие суждения не без оснований на веру с ходу не принимает. Сам пробует строку.

Написана же строка, как уже сказано, в далекие двадцатые годы о тех же двадцатых.

Садилось солнце. Качались травы.
Пересчитал патроны — как раз на всех!
А кто виновный, а кто из них правый —
Из-под единых стрех.

Не будет боли, как пуля жахнет.
Не минет пуля — торчат цветки!
Передний, видно, ходил так, шаркал —
Скривил башмаки.

Скатилось солнце. Свежело помалу.
Пора б и росе.
А кто-то где-то во тьме генералу:
— Все.

(Перевод Юрия Кузнецова).

Согласимся: стихи горькой правды и трагического драматизма. Как сама жизнь — собственная и его современников.

Боль братоубийства на Гражданской войне близка шолоховскому «Тихому Дону», рождавшемуся в те же годы.

Побледнел и стиснул зубы.
Позади село пылало.
Р-раз! — прикладом в спину... Грубо:
«Вас немало!»

Сухо громыхнул наган.
(Первой нотой новой гаммы...)

Надвечерний лег туман
Над лугами.

Кто-то засвистал матчиш.
На тачанки! — ищи, где знаешь!
Поле, поле!
Что ж ты молчишь?
Не рыдаешь?

(Перевод Светланы Соложенкиной).

Тут же — как предчувствие «великого перелома» крестьянского хребта?

Как видно, снова будет недород:
Зима без снега, а мороз все круче...
Бледен небосвод
И обестучен...
Вечера наша скудная грустна.
Всего — еды и слов — здесь понемножку.
Сдается, что сегодня не одна
Рука
несет ко рту пустую ложку...
Молчит и дед. То ль слов недостает,
То ль мысли все в разбег — куда попало.
Видать, гнедую город отберет,
А пегая сама зимою пала...

(Перевод Евгения Новичихина).

Как провидение надвигающегося голода? —

На поле вышел — сомлел:
Реденький колос — считай!
Высохло сердце полей,
Кровью своей — через край!
Голос бессильно стих!
Только луна. Да глушь!
Замыслов сонм моих
Смута взяла, как сушь!
Поле, и город, и я —
Море родни моей! —
Кто-то из нас впрямь стоял
Над мученьями дней?

(Перевод Виктора Будакова).

И тут же — осенняя печальная песнь с проблеском, с зарницей надежды на лучшее.

Отпели арбы на дорогах тряских,
Свои мелодии пшеницам и овсам,
И осени задумчивые краски
Вот-вот овеют небо и леса.
Кочуя к морю, крыльями помашут
Над грустью сел красавцы-журавли.
Последний кто-то во поле допашет
Полоску узкую сырой земли...
Да, может, с ветром, трубадуром шалым,
Споют поля, разбудят песней высь
О том, что в зернышке сокрыта малом
Иная жизнь!

(Перевод Виктора Беликова).

При переложении поэтического слова с языка на язык — даже кровно родствен-
ный, утраты неминуемы не только в «складности». Но ведь уже веришь почитате-
лям поэта. Сам, основательнее вчитываясь в книгу, становишься его поклонни-
ком.

Ах, флейты голос над рекою —
Тот синий день, и даль, и ты!
Легко мне с юною такою,
По воле волн меж осокою,
Без весел плыть от суеты.
Пускай же челн вслед за водою
В раздолье голубых высот.
Какой восторг — быть молодойю,
Какой покой — плыть за водою,
Безумство — жить куда несет!

(Перевод Михаила Тимошечкина).

Или —

Эй, отец мой, простор степной,
Слово молвлю еще с тобою...
Дни младые не стороной
Пошли за водою...
Ой вы, звезды, яркие, близки!
Мне до ваших чар дела мало...
Темный чуб мой, мои виски
Бела вьюга зацеловала.
Ой вы, ночи, ваш черен свет!
Мне не видно, куда иду...
Я один, еще с детских лет,
И таким же я пропаду.
Где ж вы, братья? Мою слезу
Кто утрет, кто меня приветит?
И стою, словно дуб в грозу.
Только тучи вокруг да ветер...

(Перевод Александра Нестругина).

И будто пророческое предсказание своей собственной судьбы.

...И вот лягу — родючий перегной, —
На окровавленную пажить, в дым...
— Благословен еси, час ты мой!
Научи меня заповедям своим!
Красуйтесь новые жита у нас!
...А в каждом колосе — мука моя...
О, воистину пахаря час!
Славлю имя его, не тая.
Благословен еси, час мой!
О жестокий! И весь в крови!
— Это ничего, что я перегной —
Под посевы новые твои!
— Ведь вот верно: возрасту когда-нибудь, —
Ветром попрошу: — Жни! Не ставь себе в вину.
...Сердце, сердце мое! Глухим не будь!
Постигни тишину...

(Перевод Петра Чалого).

Не только у нас в России — на Украине до недавнего времени имя Плужника было, к горькому сожалению, широко известно лишь узкому кругу людей, его современников, кругу убывающему...

СВЕТЛОЕ ЛЕТО

Кантемирянин — так подписывал Плужник свои ранние стихи, печатаемые в киевских газетах и журналах. Литературным именем-псевдонимом он означил место своего рождения: слободу Кантемировка Богучарского уезда Воронежской губернии.

Сегодня, конечно, Кантемировка уже не та, какой ее впервые увидел отец поэта Павло Плужник, сын Василия — крестьянина Полтавщины. Из прославленных великим Гоголем краев в переселенцы подался парень не от хорошей жизни, как желалось — за лучшей долей. Тогда, на исходе девятнадцатого века, безземельные малороссы — украинские мужики — охотно ехали на родючие воронежские черноземы. Шли не сиротской дорогой, а торным шляхом. Когда-то путь в эти степи прокладывали предки-славяне. Селились, мирно обживали края. Порой вынуждали их и за меч браться, чтобы отстоять землю Русскую. Под вражеским натиском покидали ставшие родимыми места и вновь выступали в поход, чтобы «испити шеломом Дону». Во времена поближе к нам уже московские государи заселяли тогдашние украинно-окраины как северными русскими крестьянами, так и козаками-черкасами из Малороссии. Работных рук ждала земля, ее пока хватало — вольной, свободной. Но пахарь выходил в поле и с оружием, чтобы защищать российские пределы от набегов кочевников. Вот и нарождались в степных просторах под сенью верб у родниковых криниц слободы (от слова — слобода-свобода), села и хутора, населяемые крестьянами-воинами — составившими Острогжский казачий слободской полк.

Тут и нынче, спустя столетия, еще жив чисто украинский Верхний Киев с прямыми потомками Кобзаря — Тараса Шевченко. Говорят, что старики здесь берегли истинную певучую «мову», такую исконную речь нынче не услышишь даже в столичном Киеве. А рядом русские Дерезовка, Гороховка, Лебедь-Сергеевка, Татарино, в которых сохраняется звучный «московский» говор. В сельском дворе, на слободском майдане южной воронежской стороны на равных пели и, к счастью, по сей день поют о Днепре широко и о батюшке тихом Доне.

В этот благословенный простор полтавчанин Павло Плужник прибыл в числе переселенцев поздней волны — во второй половине девятнадцатого века. Приехал сюда — и как домой попал. Схожая бескрайняя степная даль, садик вишневый возле хатки, беленой мелом, головки цветущего подсолнушка красуются за лозовым плетнем, до боли знакомый запах кизячного дыма расстилается над лугом, а в разговорах слышится родимое слово. Даже слободские ярмарки под стать Сорочинской, какую уже увековечил знаменитый земляк. В текущий день старинная энциклопедия скупко сообщает, что только в Богучарском уезде, а это воронежская грань с областью Войска Донского и Слободской Украины, бывало ежегодно 118 ярмарок, денежный оборот которых составлял до четырех миллионов рублей. А через Кантемировский элеватор ежегодно отгружалось свыше полутора миллионов пудов хлеба по Юго-Восточной железной дороге. Так что — торговое дело здесь по значимости ненамного уступало хлебопашескому. Торговое-то и забрало в свою круговерть сельского паренька. Нанялся на работу в воронежскую фирму, которая закупала шерсть и продавала готовое сукно. Поставляли товар крестьяне воронежских уездов — Богучарского и Острогжского, а также харьковского — Старобельского. В здешней холмистой степи по горам-долам ходили «шуба да кафтан» — отары овец тонкорунных пород: английской,

испанской и своей острогожской «михновской», которую знали и ценили чабаны по всей России.

Павел Плужник довольно быстро выбился в приказчики, что по тем временам означало и «в люди». Крестьянский сын стал уполномоченным представителем фирмы «Зингер» по югу губернии. На постоянное жительство обосновался при железнодорожной станции Кантемировка «в громадной слободе» Константиновка с населением в пятнадцать тысяч человек и с 2500 отдельными хозяйствами.

* * *

Чудом сберегся снимок: сад, в тенистой беседке отец с сыновьями. Эта старинная кантемировская фотокарточка — как окошко в десятые годы минувшего двадцатого столетия, как документальное свидетельство о семье Плужников.

Тато, как зовут отца в украинских семьях, уже в летах. Наверное, не для фотографа, не по случаю на главе семейства добротный пиджак, белая рубаха — ведь не бросается в глаза, незаметно, чтобы отца стесняла одежда. Суровое лицо обрамляет ровный купеческий оклад бороды. Бросил вроде усталый взгляд в сторону.

Можно поразмышлять. За спиной у человека уже немалые прожитые годы. Приехал он сюда парубком, возможно, в одной свитке. Но сметлива голова на плечах, руки — по-крестьянски крепки и жилисты, они, всмотришь в снимок, и сейчас, в возрасте, спокойно, уверенно лежат на колене. Жил, трудился — так вот и стал уважаемым Павлом Васильевичем.

Жена встретила здесь, на воронежской стороне, дочь купца. Ее нет на фотокарточке, уже нет и в живых — молодую свела в могилу не вылечиваемая в ту пору чахотка. По нынешним меркам семья Плужников была большой. Говорят о восьми детях. Известны нам имена шестерых. Сестры Анна и Мария отчего-то не попали в этот мужской круг, а братьев видим на снимке.

Рядом с отцом старший по возрасту среди сыновей Георгий. Привычен его плечам костюм-тройка. Щегольски сдвинута набекрень шляпа. Избочил по-девичьи кокетливо красивое лицо, небрежно закинул ногу за ногу и как бы чуть приобнял батяню. Особняком, на отдельно стоящей лавочке сидит Иван. Усы, студенческая борода. В форменной фуражке, указывающей на принадлежность к Киевскому политехническому институту. И дума на его слишком серьезном лице запечатлелась — о чем-то дальнем, уже не домашнем, уже не кантемировском. Облокотясь на деревянное перильце, старается улыбнуться фотографу «высокий да струнный» учащийся Таганрогского технического училища Василий, он тоже вот-вот примерит в Киеве студенческий картуз.

К отцовскому колену прильнул, оперся спиной самый младший, — Евгений. Он еще ребенок, еще с детской непосредственностью любопытно вглядывается в объектив фотокамеры и занят лишь одним: как не моргнуть глазом, когда «вылетит птичка», как не шевельнуть головой, чтобы карточка вышла хорошей. Когда семья лишилась матери, Евгению в тот горестный час исполнилось только семь лет. На фотографии он постарше, школьник, а, возможно, уже и гимназист.

Материнские обязанности взяла на себя дальняя родственница — женщина одинокая и немолодая. Так что — доброта и сердечная привязанность не покинули дом. Больше всего теплом и вниманием, конечно, старались окружить младшенького.

Сестры тоже учились. Отец не жалел денег, чтобы дети получили хорошее образование.

Есть еще фотография: в том же кантемировском саду летним днем за «саморобным» неокрашенным деревянным столом, но на гнутых лакированных «венских»

стульях сидят втроем — отец, дочь Мария и меньшой Женя. Лето 1905 года. Маша со старшей сестрой Анной — Ганной могла только что приехать из Харькова. У Павла Васильевича в руке свернутая газета. Маша в строгом белом платье «до пят», темные густые волосы венком обрамляют голову. О ней нам ничего не известно. На обороте фотокарточки крестиком означен год ее ранней смерти — 1917. Как и отца — 1919. На этом снимке нет Анны. Но она, скорее всего, где-то рядом. Она уже не сельская учительница, а студентка. Возможно, это так и есть. Анна рассчиталась с работой в селе Масловка Бобровского уезда. Могла рассказывать о примечательном поместье помещиков Звегинцовых. Донские песчаные земли превратили в зеленый основый рай. Разбили виноградник. Хозяйка имения Мария Александровна, урожденная Казакова, вывела новые сорта роз и жасмина. А в зимнем саду растили пальмы. Знаменитый конный завод, скот и домашняя птица лучших пород. Венчал село пятиглавый Никольский храм, красивейший в Воронежской губернии. В земской школе, в которой Анна учительствовала, на занятия являлось больше ста крестьянских ребятишек. Попала она сюда на работу, скорее всего, после окончания Бобровского женского училища или частного учебного женского заведения госпожи Степаненко.

К уездному городу Боброву, который на исходе XIX века «прирос» к железнодорожной ветке Харьков — Лиски — Балашов — Нижний Новгород, семья Плужников была привязана, возможно, близким родством. Вдруг — именно здесь проживали родичи жены Павла Васильевича и его детей?

Впрочем, Павел Васильевич все в имени дворян Звегинцовых видел сам. Его больше интересовали новости из Харькова. Туда, в приемную комиссию университета, дочери отвезла документы самой старшей — Анны. Там она выдержала экзаменационные испытания и была зачислена студенткой медицинского факультета. Потому так приосанился гордо отец. А Мария еще не привыкла к новеньким модельным туфелькам, к браслету на руке, которыми барышни-горожанки щеголяют. Братишке Женечке так понравился гостинец — широкополая шляпа-панамы, что он ее даже в садовой тени не захотел снять, как приросла к голове, прикрыла его большие уши.

Что интересно: не ведай, что перед тобой фотография из начала двадцатого века, можно легко ее переместить в наш текущий двадцать первый. Схожую картину — родные в саду — легко увидеть в сегодняшней Кантемировке. Даже в одежде не отметишь различий.

То, что мама Плужника родом из торговой семьи, подтверждается двустрочным сообщением в одной из киевских газет на рубеже 1930-х годов: писатель Плужник работает над романом о купеческой жизни «Дом Кашкиных». В это же время Евгений Павлович переложил на украинский язык «Дело Артамоновых» Максима Горького. А в его архиве сбереглась невзрачная фотография, на которой запечатлен луг, уголок сада. На ее обороте надпись — «Кантемировка. Речка после дождя (за садом братьев Курносовых)». Чем-то дорог был снимок Плужнику. Не из Курносовых ли мама Евгения Павловича? Эта фамилия встречалась в Богучарском уезде.

Евгений, видимо, по стопам старших — дома, в Кантемировке, закончил начальные классы. А дальше ему пришлось попутешествовать по окрестным городам и весям. Когда отец отвез его в Воронежскую гимназию, то, вкусив самостоятельность, мальчишка распорядился ею своеобразно — зажил жизнью, какой желалось. Занятия посещал «как счочу», те, к каким душа лежала — литературу и историю, а с уроков физики и математики сбегал. Добрался к книжным залежкам в библиотеке, запойно читал то, что нравилось, под рукой — любимые конфетки. Чем не благодать! Да только вскоре вызвали родителя в гимназию и посоветовали забрать хорошего, спокойного и учтвого хлопчика, «безобидного и ти-

хого, как осенний в безветрии лес». Раз упорно пропускал уроки, то экзаменовать его не смогли.

Меньшой обычно в семье самый любимый. А тут еще сирота. Как его наказывать? Отправили на учебу в ближний к Кантемировке город Богучар. В этой гимназии чуть попозже будет учиться казачонок Миша Шолохов, чьи первые книги великого «Тихого Дона» Плужнику доведется перекладывать на украинский язык. Но и в Богучаре, под боком у отца, Женя опять-таки надолго не задержался. В уездном городишке заимел на всю оставшуюся жизнь еще одну страсть — к кинематографу. Перевели его в Бердянск, где гимназиста нарядили в особую казачью форму. Щеголял он теперь в черных штанах с белыми лампасами. И тут, в новом кинотеатре, Женю радостно встречала — «О! Плужник!» — знакомая казачья «вольница». Компания лоботрясов схоже перебиралась с одного места учебы на другое.

Заканчивал восьмилетний курс классической гимназии Евгений в другом воронежском уездном городке, Боброве, на двадцатом году жизни. Здесь уже нельзя сказать, что повзрослевший гимназист без пользы протирал ученическую скамью. Старшеклассник Плужник глубоко изучал отечественную и мировую литературу, историю. Летом отец часто отправлял детей на родную ему Полтавщину. Там, в домашних библиотеках, охочий к чтению Евгений открыл для себя мир украинской литературы, в которой вскоре придется утверждаться ему самому.

Еще в Боброве, «в гимназии, где грыз науку» по примеру одного длинноволосого гимназиста, который «в стихах со скуки набил руку», Евгений тоже завел заветную тетрадь:

...долго я над рифмою в потуге
Корпел. И не без зависти страдал;
Какие муки он мне передал,
Не пожелаешь ни врагу, ни другу!

БОБРОВСКИЙ ГИМНАЗИСТ

На Невском проспекте Боброва — видный старинный особняк. Кирпичная кладка скрыта штукатуркой, лепные узоры. К уличному «причалу» бывший магазин купца Мирошникова прикован морским якорем у входа. Здесь теперь обжился местный историко-краеведческий музей.

Открыл дверь, переступил порог и — услышал над головой перезвон колокольчика. Звонкий его голос услышал не только я. Со второго этажа по лестнице в нижний зал спустилась хозяйка-хранительница. Узнав, что разыскиваю «хоть что-нибудь» об истории дореволюционной гимназии и ее выпускнике 1918 года, она развела руками. «Сведений имеем мало, а о Плужнике никаких».

Зашел же сюда-таки не напрасно. Музейная выставка с фотографиями помогла увидеть уездный город начала XX века. Приехавший тогда на учебу кантемировский хлопчик не был сельским провинциалом. За спиной имел коридоры и классы гимназий Воронежа, Бердянска и Богучара. Дальше он не стал испытывать терпение отца, который баловал младшенького сынишку: рос ведь без мамы, рано покинувшей белый свет. Баловал батя, скорее всего, до поры до времени, что, наверное, и почувствовал Женя-Женька.

Впрочем, Бобров не оказался глухоманью. Вряд ли мог его, блудного гимназиста, разочаровать. Город на крутоярье, где проходила граница степи и леса. В небо вознесся куполами и колокольнями церковей — Успенской, Троицкой, Покровской, Никольской. Центр вымощен камнем, не утопает в грязи. В колокольный благовест уже влетаются паровозные гудки с перестуком вагонных колес на рельсах чугунки.

Многолюдные ярмарки, на которых публику восхищал нечеловеческой силушкой Проня-богатырь. В руке держал за дужку вверх доньшком двухпудовую гиру и медленно крестился ею.

Доставало развлечений для ума и души. Полюбившееся кино показывали в иллюзионе «Рекорд» госпожи Спиридоновой. Пятак стоил билет для гимназиста и тридцать копеек для всех прочих. Книжки покупай в лавке, бери в филиале Воронежской публичной библиотеки, в народной читальне. Вечерами в парке на танцевальной площадке играл духовой оркестр. В бильярдной любители гоняли шары. На спектакли и концерты зывал Народный дом.

Политика вовсю мучила головы. В типографии Тагинцева печаталась уездная газета «Бобровская речь» со стихами о местной Думе:

Думцы, думцы,
что ж вы сидите?
Что ж вы, безумцы,
думать не хотите?

Нелегальная социал-демократическая литература подпольно расходилась, кто бы знал, из квартиры городского судьи, коллежского советника Сергея Шестернина.

Эсер и поэт Н.С. Разумный в 1917 году возглавит уездный исполком. Он же объявит недалнее село Хреновое, знаменитое конезаводом графа Орлова и породистыми орловскими рысаками, «независимой республикой».

В такую «бучу кипучую» окунулся Плужник. Ведь мужская гимназия жила не в закрытом мирке. Стояла она на виду — на Большой Московской. В меру изукрашенный кирпичной кладкой двухэтажный корпус выделяется и сейчас на переименованной улице 22 января. Попал я в него в предвечерье. Тут, в средней школе, попрежнему сеют «разумное, доброе, вечное». Стайка мальчишек-девчонок покидала класс. Учительница оставалась ждать уборщицу, чтобы передать ей ключи.

Беседовали о прошлом и настоящем прогимназии, гимназии и школы, через которую «весь Бобров прошел». Среди выпускников известные революционеры и Герои Советского Союза, актеры, ученые, спортсмены. Когда я назвал в именитых поэта Украины, моя собеседница удивилась, «не знала об этом». Любезно она позволила мне заглянуть в классные комнаты-кабинеты, постоять у окна, откуда открывались неоглядные заречные дали, просто побыть в непривычной для школьного дома тишине.

Пошутили — вдруг «мне послышится голос Плужника».

Шутка оказалась пророческой. Спустя годы, лица его «товарищей минувших лет» увижу в архиве в Воронеже. Там же с бумажного листа зазвучат их рассказы «о времени и о себе».

* * *

Кому ни показывал фотокарточку гимназистов седьмого класса, собравшихся вместе 14 апреля 1917 года — светлым весенним днем, — высказывались схоже: «В этих лицах можно прочесть все будущее страны».

Снимок сберег и в ноябре 1964 года передал на хранение в архив Василий Петрович Никифоров. Проживал он в ту пору в Ульяновске. К сожалению, указал лишь двух своих соклассников — «в центре, в белой рубашке — Коля Алексеевский, а, облокотясь на бревно, стоит крайний слева — Костя Авдеев». Плужника узнала киевлянка Ольга Наумовна Титаренко, она в свои детские годы часто встречалась с Евгеном Павловичем — «сидит рядом с Алексеевским, в светлой шинели, слева».

Бобровским гимназистам, о ком речь, родившимся и росшим «у веков на грани», суждена была яркая, но до обидного короткая жизнь. Нелепый злой рок продолжает решать их посмертные судьбы. Если Плужника чуть не напрочь вычеркнули из украинской культуры, то Алексеевского когда-то вознесли в «алые всадники» Октябрьской революции, а нынче боевого участника Гражданской войны и, по сути, ее жертву зачисляют в ряды «чекистских кровожадных мальчиков»...

* * *

В письмах, хранящихся в архиве, оживает невозвратимая пора.

Никифоров: — С Колей Алексеевским учился со второго класса гимназии, с 1911 года по 1918-й. В шестом классе учитель словесности зачитывал на уроках прекрасные сочинения Коли. Играли в драматическом кружке. А нашим струнным оркестром управлял Костя Авдеев. Оба из дворянских семей, у Кости отец — монархист. Мы же к царизму относились с презрением. Идеалом считали республику.

В 1917 году в гимназии избрали ученический совет — юнком, его председателем — Алексеевского.

У гимназистов начались конфликты с преподавателями. Как-то учителя математики собрались уволить за то, что он хотел раздвинуть подальше парты во время письменной контрольной. Дело дошло до срыва занятий. Такие споры директор разбирал на ученическом совете. Кстати, Николай защитил преподавателя.

Наталья Алексеевна Смирнова, проживавшая на склоне лет в подмосковном Серпухове, училась в женской гимназии и хорошо знала ребят в мужской. Она засвидетельствовала: «Николай Алексеевский вместе со своим одноклассником Евгением Плужниковым издавали рукописный журнал «Призыв» крайне реального направления. Помещали там статьи, освещающие современные события, общественную жизнь, вопросы учебной жизни гимназии и т.д. Плужников писал стихи. В настоящее время (октябрь 1964 года, 27 числа), насколько мне известно, Плужникова уже нет в живых — у него и тогда были слабые легкие».

Мама Николая Алексеевского Елизавета Александровна в свои 92 года рассказала, что муж ее Евгений Иванович работал инспектором народных училищ и директором учительской семинарии. Дети в семье — старший Николай, Дмитрий, Юрий, Мария, Евгений. Сама Елизавета Александровна училась в гимназии вместе с Надеждой Константиновной Крупской. По приезду в Бобров работала библиотекарем Губернского земельного отдела. «В семье тоже имелась хорошая библиотека», ею пользовались и друзья Николая.

Никифоров: — По предложению директора гимназии в связи с тревожной обстановкой в стране сократили учебный год. Восьмой выпускной класс занятия закончил 15 февраля 1918 года. 15-го вручили аттестаты зрелости. Был выпускной вечер. Иногородние скоро разъехались...

* * *

Близкие товарищи Плужника сами выбирали себе жизненный путь. Родные Николая перебрались в Усмань. Их он навестит лишь единожды, в 1919 году, по скорбному известию: умер отец. Кстати, в семье Алексеевских самым младшим был Евгений. Из комсомольца он вырастет до министра. В середине века возглавит государственный комитет по водному хозяйству при Совете Министров Украинской ССР. А в 1960–70-е годы — председатель государственного комитета по орошаемому земледелию и водному хозяйству СССР. Герой Социалистического

Труда. С его поддержкой засушливый судоходный юг Воронежской области, где в 1920-е годы строил пруды мелиоратор, будущий классик русской литературы Андрей Платонов, а в послевоенные годы — знаменитый актер Петр Глебов — Григорий Мелехов в фильме «Тихий Дон» Сергея Герасимова — оснащал поливной техникой орошаемые поля.

Семья Кости Авдеева уедет на юг России. А вчерашние гимназисты пойдут в революционный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для начала им поручат собрать по селам книги в уездную библиотеку. Вступают в партию большевиков. В декабре 1918-го Николай стал редактором «Известий Бобровского Совета РК депутатов».

Городок оказался на линии фронта Гражданской войны. Тут бились белые и красные, донские казаки и воронежские крестьяне. Сын поднял руку на отца, брат восстал против брата. Историки позже подсчитали, что Бобров восемь раз переходил то под власть белых, красных, то донских казаков.

Гимназисты возмужают в считанные дни, месяцы. На сохранившихся снимках — не безусые юнцы. Замечены их отвага, ум и умение работать с людьми. Авдеев назначается председателем Богучарского уездного ревкома. Алексеевско-го направляют в Воронеж, избирают членом губернского исполкома, которым какое-то время «рулил» Лазарь Моисеевич Каганович.

24 апреля 1920 года двадцатилетнему Алексеевскому, по другим сведениям — девятнадцатилетнему, доверяют ответственный пост Председателя Воронежской Губернской Чрезвычайной Комиссии. В этой должности по известным только ему причинам понял, что дело — не для него. Пишет в Губкомпарт одно за другим три заявления: «работа в ЧеКа не вполне соответствует моим наклонностям и способностям». Молод, опыта нет, мал партийный стаж. «Проработав полтора месяца в Губчека, я окончательно убедился в своем несоответствии на этой и вообще общественной работе в общегубернском масштабе». «После тифа с нервным потрясением... я убедительно прошу освободить меня от обязанностей председателя Губ. ЧК». «Прошу откомандировать в Бобров».

Только 12 октября 1920 года его просьбы учли. Пост сдал Лотаузову. А уже в начале ноября как заместителя председателя губисполкома в качестве Чрезвычайного Комиссара его командировуют на юг губернии. Там в ответ на продрозверстку, изъятие продовольствия у селян, вспыхнул крестьянский мятеж. И снова брат шел на брата. Восставших и их атамана Ивана Колесникова почти-почти утишили. 12 декабря вдруг вызывают в Воронеж на пленум Губисполкома. Алексеевский вместе с губвоенкомом Федором Мордовцевым и близким другом Костей Авдеевым из уездного Богучара отправились на ближайшую железнодорожную станцию Кантемировку. Выехали налегке, без надежной охраны.

Неподалеку от станции решили передохнуть в селе Скарновка. А тут их окружили свалившиеся снегом на голову мятежники. Костя погиб. Сам Иван Колесников, по свидетельству очевидцев, зарубил Мордовцева, хотя тот попросил: «Пожалей моих детей. Троих сиротишь». Алексеевский последний патрон оставил для себя и застрелился.

О случившемся узнал чекист Киевского военного округа Михаил Иванович Любушкин, товарищ Алексеевского и Авдеева по Боброву (не одноклассник ли по гимназии?). Подал рапорт и уже в апреле 1921 года находился в Воронежской губернии. При его участии в отряд колесниковцев «внедрили» девушку-разведчицу. Ею была недавняя бобровская гимназистка из села Шестаково, близкая знакомая Алексеевского, а, возможно, и Плужника, Катя Вереникина. Ее стараниями секретные намерения-планы атамана стали известны чекистам. Мятежников разгромили.

...Школьный дом на взгорье. Это его местоположение располагает к поэзии — открывают душу неисходимые даже взором дали, в которых речка Битюг «блестит, как стекло», теряясь в некошенных травах.

Поэт Евгений Плужник сквозь годы вспоминал гимназию, Бобров, Кантемировку — воронежские места родные.

Где вы теперь — все те, кто были
Друзьями юношеских лет, —
Кто слышать может мой привет,
Кто, позабытый, спит в могиле?
Как белых паутинок нити
Возьмется время в чуб вплетать,
Так хочется меж вами стать,
Друзья, — чтоб вместе в зрелость выйти!
И вновь расслышать (пусть на миг),
Когда неверье сердце ранит,
Речей кипенье молодых
О том, что зрелость не обманет...

(Перевод Александра Нестругина).

КАНТЕМИРОВКА. «ТИХАЯ МОЯ РОДИНА»

Был на весеннем разливе и впервые обратил внимание на то, что дикие гуси клином идут не с юга на север, как принято считать, а с запада на восток. Летят на Дон с берегов Днепра. Не потому ли так тосковал в Киеве наш земляк, уроженец воронежской Кантемировки, поэт, классик украинской литературы Евгений Плужник, когда видел летящих на его родину птиц?

Над городом гуси вчера пролетали.
А я?..

1

В ту слободу Кантемировку пытаюсь ехать февральским днем, выпавшим на Сретенье — Встреченье. Будто подтверждая приметы, зима прямо с утра начала пугать лето: глянувшее в окно электрички солнце на глазах скрыли тучи, из которых сразу же хлопьями густо повалил снег. Легкая метельная круговерть рядила в белые одежды старинный вокзальчик — так нужный мне первый свидетель из прошлого, из той поры, когда полтавчанин Павло Плужник встретился с Кантемировкой. Тогда-то — мастеровито свежевыложенный кирпичный дом с овальными оконными проемами во всю стену еще не примелькался. И гремящие по рельсам паровозы, чугунка были, конечно, в диковинку сельскому парню. А вот уже его детям, рощим при железной дороге, вокзал станет хоть и волнующим, но привычным местом встреч и разлук. Сама слобода осталась в памяти Плужников, как и всякого, кто видел Кантемировку даже однажды, из окна вагонного, — песенным напевом, неизменно звучащим там, где жили и живут украинцы.

Стоит гора высокая,
А пид горою гай.
Зелэный гай, густэсэнный,
Нэначэ справди рай...

Есть тут и гора, вправду большая для равнинной степной стороны. Чтобы оглядеть ее, задираешь вверх голову. Проезжающему кажется, что уже начинается предгорье Кавказа. Так вводит в заблуждение, обманывает крутой холм. До синего моря поезду ведь еще бежать и бежать.

Бил на горе, почти у самой вершины, до недавнего времени, студеной ключ, шумела зеленью дубрава.

А в долине пересыхающей речушки, который век, под задумавшимися вербами живет большое село, не затерявшееся на перекрестье дорог, трактов и шляхов. Его уроженец Евгений Павлович Плужник, с детства любящий книгу, понимает, знал, что двойному имени — Константиновка, Кантемировка тож — селение обязано князю, командующему казачьими слободскими полками Константину Антиоховичу Кантемиру. В этой фамилии сочетаются два слова: «хан» (правитель) и «темир» (железо). В отечественной истории княжеский род более известен благодаря двоюродному брату Константина — русскому поэту-сатирику и дипломату Антиоху Дмитриевичу Кантемиру. Вот уж в какой дали выпало утвердиться фамилии молдавского господаря Дмитрия, присягнувшего на верность России «птенца гнезда Петрова».

Старше всех в Кантемировке возвышающийся над округой купольным шатром — Троицкий собор, в тот час моего путешествия тоже сиянный снегом. Служба в церкви, посвященная Сретению Господню, уже заканчивалась. Голос священника глухо звучал под настылыми сводами храма. Как и встарь, рассказывалось о встрече с Богом, еще младенцем Иисусом, святых — праведного Симеона Богоприимца и Анны Пророкицы. Скорее всего, в такой же осененный зимним светом день Плужники приносили сюда своего новорожденного малыша, нарекли его Евгением. Меньшой ведь родился 26 (по старому стилю — 14) декабря 1898 года и по христианскому православному календарю попадал под покровительство великомученика Евгения. Имя означает в переводе с греческого — благородный, знатный.

В православном храме встретились с Богом во Святом Таинстве крещения.

Так же горела свеча, своим теплым огоньком уводя тебя в мир несуетный, неземной. Пахло лампадным дымком в студеное пространство под куполом.

Как было?..

Кто скажет?..

Хотелось не просто забыться в стенах, связанных с жизнью людей, к которым пытаешься войти, несмотря на разделявшую тебя с ними вечность. Хотелось отыскать тут существенные сведения о них. Тем более, что имя матери Евгения Плужника остается неизвестным. А оно ведь обязательно должно быть занесено в церковные книги.

Разговор со старостой перечеркнул эту слабенькую надежду. Оказывается, в тридцатые годы храм просто по счастливому случаю не смело подчистую атеистическим ураганом. Его уже было закрыли, втащили сюда станки для учебной мастерской, да в тяжелую военную годину остановились, опамятавались — и очистили собор от скверны. Но пропали бесследно как лучшие иконы, так и церковные документы. Сирость и убогость надолго, по сей день поселились в стенах Троицкого собора. Сейчас появилась возможность хоть снаружи привести его в подобающий вид: не только храмовое здание, но и памятник старины.

Пилили-валили вековые деревья в церковной ограде.

— Кислотные дожди замучили, — объяснял староста. — Разъедает стены, как ржой. Убираем древесный заслон. На ветру сырость не так страшна. Овеет, солнышком высушит...

Вот тебе и степная глубинка, какой продолжает оставаться Кантемировка.

Содержательница районного архива тоже беспомощно развела руками. У нее документальный отсчет времени начинается лишь с конца декабря 1942-го, ког-

да в канун Нового 1943 года войдут в село его освободители — танкисты дивизии. Позже ее поименуют прославленной Гвардейской Кантемировской, выпадет ей по праздничным дням в советское время постоянно быть в парадном строю на Красной площади в Москве. И танкисты утверждают в сознании большинства людей, что имя неведомого Кантемира пошло от них... Уже другое поколение служивых услужливо втянулось в политические разборки. Из биографии дивизии не вычеркнешь: офицеры в октябре 1993 года выкатят танки в Москве на прямую наводку и в упор расстреляют Верховный Совет России.

Горьки ваши страницы, мать-История!

Подтверждает до даже местный архив в Кантемировке. Тут просителям даже справку выдают соответствующую: до фашистской оккупации никаких сведений не имеем, все документы бесследно исчезли в пламени войны.

Оставалось одно: поговорить со старожилом, носящим фамилию Плужника. А она здесь встречается. Правда, пенсионер Петр Макарович, к которому меня направил его дальний родич из колхоза «Кантемировец» Владимир Иванович, сразу уточнил:

— Часть жизни оставил в Донбассе, там все двадцать лет меня называли Плужник. А на родине мы уже Плужниковы.

Петр Макарович побеседовать не отказался, но сообщил, что старше всех по возрасту в их роду матушка, живет она в семье младшего брата.

2

Асфальт ныряет под железнодорожную насыпь в тоннельный прогал и выводит прямо на улочку, какая пояском в ряд дворов огибают Кантемировскую гору. В указанном месте, в небольшом домике с крылечком, на стук в незапертую дверь не отозвалась так нужная мне Валентина Савельевна. Пришлось самому громыхнуть щеколдой и незвано переступить порог.

— Радио слушаю, с ним одной не скучно, — объяснила старушка, сразу убавив голос динамику. Поправила себя же. — Раньше было слушать не скучно, а теперь прямо страх берет. Передают, как война на Кавказе. Где война, там безвинной крови больше. Как люди озлобились! Добра не жди...

Валентина Савельевна, мне показалось, даже обрадовалась непрошеному гостю. Впрочем, она и не скрывала этого.

— Праздник Встречения, работать, говорят, грех. А бездельно не усидишь.

— Бог за труды праведные никого пока не наказывал.

— И то так. Пряжу пересматриваю, носки теплые вязать надо. Горят на внуках живосилой, да и зима сегодня вон как расходилась.

В комнатах у Савельевны празднично прибрано: на кровати под самый потолок пуховой горкой подушки, вышитые рушники свисают с настенных рамок, в каких семейные фотокарточки, а под ногами домашнего тканья цветистые половики, плетенные из тряпич кружки. На подоконнике в плоске бросается в глаза налитый соковой летней зеленью столетник, а в стеклянную шибку ветер сыплет снегом.

Отложив в сторону шерстяные клубки, старушка пододвигает табуретку поближе к печке. Теплом дышала раскаленная грубка, уголь потрескивал под чугунной плитой в кирпичном чреве.

Савельевна припомнила приметы, по каким выходило: раз дорогу путнику переметает снегом — уродится хлеб.

— Хоть живу на всем готовом, за хлеб душа болит. До колхозов еще мужики в такую вот пору по-соседски заходили друг к другу на беседу. Уже только об одном и говорили — с чем выезжать в поле, когда...

На ту, давно прожитую, пору повернул и наш разговор.

Узнал: Савельевна на восемь лет моложе Евгения Плужника.

Его она не помнила, что неудивительно. Когда крестьянская дочь Валя пошла за наукой, Евгений ведь уже закончил местную начальную школу, скитался по окружным городским гимназиям.

— Школ тогда в слободе хватало на всех, кто желал учиться. Были церковно-приходские. Меня родитель записал в земскую четырехклассную. Учителей звали Мария Тихоновна и Анатолий Васильевич, по два класса разом вели. Чтению, письму, счету на всю жизнь выучили. Не считала себя безграмотной.

Мир Божий, Закон Божий — были и такие предметы. На урок из церкви приходили отец Лаврий и дьяк Соломаха.

Школа начиналась, как снег ложился. Скот пасты уже не гоняли. Как весна, сразу в степи нам траплялась, находилась работа — волам хвосты крутить.

Присказка осталась, а кто теперь знает — про вола?

Савельевна рассмеялась.

— Про Плужников что помню? Сюда я пошла за Макара. На этом подворье стояло три дома. Хозяйство одно вели вместе с сынами три брата — Юхим, Григорий, Захар, по отцу — Карповичи.

А я ведь одна росла у своего тато. Выедем на степ, а тато уйдет к пчелам на пасеку, меня оставит скотину доглядать. Самой страшно. К соседям приручит. А дядько надо мной так шкылював, после-то поняла, шутейно обходился, а тогда до плачу доводил насмешками. Вот и согласилась замуж в большую семью, чтобы не одной в поле быть.

Пошла на свою беду.

Заметив удивление на моем лице, Савельевна ведь говорила-рассказывала серьезно, она опять улыбнулась.

— Нет, с Макаром прожили, слава Богу. Всем ведь выпало такое, что никогда не располагали до таких лет на свет глядеть.

Что интересно, Валентина Савельевна судьбу крестьянскую делила четко, но не так, как привычнее было нам: до Октября 1917 года и позже. Нет, она видела и разграничивала ее по-иному: до колхоза и после. Савельевна согласилась, что в гражданскую войну страданий людям выпало немало, но революция, по ее убеждению, круто не меняла привычный уклад сельской трудовой семьи.

— Земельные наделы оставались за нами. По-соседски, по-родственному обща («заобща») стали обзаводиться жнейками, молотилками.

— Но жили ведь бедновато? — гнул я свое.

— Как считать? Легковых машин, мотоциклов, конечно, не имели, одежды такой, как сейчас. Но раздетыми, разутыми не ходили. Полушубки-кожухи, валепочки даже лучшие носили.

У моего отца была хорошая пасека, волы, сеялка своя. У Плужников в поле земельный надел. А тут сад большой, терны, уже говорила — три дома.

— Это нынче можно сказать — дом, а тогда вы ютились в мазанках-курнях под соломенной стрехой? — не унимался я.

— Не скажу так. На Попивке — рядом были поповы дачи, оттого наш краек такое название получил — когда меня Макара сюда брал, сейчас посчитаю, точно — больше десятка домов стояло под железом. Похожие хаты начали строить уже недавно, когда нам, колхозным людям, пенсию назначили.

Про Плужников что дальше скажу? Жили еще одни в Кантемировке, там, ближе к церкви. Они еще до колхоза, наверное, выехали. Не прослежу. Наши с ними не родичались. Считались — просто однофамильцы. О родне в Полтаве наши при моей памяти не говорили, считали себя местными...

Тем и кончились мои расспросы. Выходило так, что все нынешние кантемировские Плужники родом из крестьянского корня.

Петр Макарович еще сказал:

— Герой Советского Союза есть у нас — родной брат отца, Тимофей Григорьевич. Артиллерист. С Понырей на Курской дуге до Берлина в боях был. Преподавал в военной академии. Рано помер, от ран.

Вспомнил Плужников уже колхозный тридцать третий год — голодный. Первое из запавшего в детстве: выгребли из погреба картофельную мелочь в горошину — дедушка Григорий сохранил к весне. Разбросали по пашне под грабли, заволочили-заборонили.

— Какая по осени картоха уродилась. В мужицкий кулак.

Тут же добавил:

— Может, показалась такой. Голодному ведь.

...Глядя, что я рассматриваю из ее окошка холмы-крутогоры, Савельевна на прощание заметила:

— Горы кантемировские ведь меньшеют, ступенями садятся, оползают. Точно примечаю, век на одном месте прожила.

3

Вот и опять опущенный снегом в Сретенье вокзальный дом. Уже подробнее разузнал о его истории. Мысленно отделяю пристройку поздних лет, стараясь увидеть втяе первоначальное.

Вдоль пустынного перрона безостановочно проносились в метельном вихре длиннохвостые грузовые составы. В этом железном грохоте, в этой белой замети исчезало ощущение текущего времени. Я вдруг увидел, как, торопясь, садились в проходящий поезд Плужники. Был ведь тогда 1918 год.

Что заставило семью кинуть обжитое и уже родное? Только предполагаем...

Да, младший, Евгений, наконец-таки, завершил в Боброве свои гимназические ученья. Это один из поводов к отъезду.

Его старших братьев и сестру учение к тому времени «до Киева довело».

В сохранившемся в архивных фондах «Личном листе по учету кадров» Ганна Анна Павловна Плужник-Скороходько пишет о себе:

«Дата рождения — февраль 1885 года.

Место рождения — слобода Кантемировка...

Социальное происхождение — дочь крестьянина.

Основное занятие родителей — приказчик-мелкий торговец...

С осени 1904 по 1905 год работала учительницей в селе Масловка Бобровского уезда Воронежской губернии.

Училась и окончила в 1912 году медицинский факультет Харьковского университета». Далее — работала участковым земским врачом в селе Орловец Черкасского уезда Киевской губернии, в городке Решетиловка Полтавского уезда. «С сентября 1916 — младший ординатор в Киеве в госпиталях Всероссийского земского союза, а затем Красной Армии».

В архивном фонде Таганрогского среднего технического восьмиклассного училища есть сведения о Василии Плужнике. «Время рождения — 28 февраля 1892 года. Сословие — крестьянин. Переводные испытания из класса в класс выдерживал с отличными и хорошими оценками». Он стал студентом агрономического отделения Киевского политехнического института. Как и брат Иван. Старшие на стороне учились успешно, самостоятельно, жить собирались на отделе, уже своей жизнью.

А революция ломала устои не только державные — и семейные взрывала плужным каленым лемехом. Сыновья взглядами и помыслами определились по раз-

ным партиям. Хватайся за голову, батько Павло Васильч, закружится поневолу — в доме свой монархист и социал-демократ, либерал и анархист. Не разбери-пойми. Женья уж вроде еще дите, в гимназии ведь определился в Союз рабочей молодежи и стоял «за революцию».

В том восемнадцатом Кантемировка вдруг стала линией фронта. Не только войны гражданской — «бились красные и белые не за долю, не за страх» по всей Руси великой. «В годину смуты и разврата» фронтовая кровавая межа семьи рассекала-делила на части. Тут иная беда. В связи с тем, что были нарушены условия Брестского мира, кайзеровская Германия оккупировала спешно не только Украину. Всадники из прусской кавалерийской бригады фон Дер Гольца вошли в Кантемировку с огнем. Отбирали у населения зерно, лошадей. Заполыхали по слободе сто двадцать четыре двора. И тех, кто не подчинялся новому порядку, приговаривали к смертной казни. А рядом, в области Войска Донского, белоказаки объявили себя «невоюющей» с Германией стороной. Они тоже вступили в Кантемировку, прокладывая себе путь «до победы» — на Москву.

И что тут? Милая по детской памяти Полтавщина могла казаться Павлу Васильевичу желанным благодатным местом, где обретешь покой. К тому же, с возрастом человека непременно влечет туда, где он белый свет увидел. К тому же, чашотка на глазах опалила взрослых уже детей. Есть разные свидетельства. По одним — Плужники в Кантемировке схоронили Георгия (на фотокарточке парень-красавец) и дочь Марию. По другим — в какие-то три года в полтавском селе ушли из жизни — Георгий, а следом Маруся и старый Плужник. Причем причиной кончины кого-то из них мог быть не только смертный недуг. Пылала ведь и Украина, да еще в каком полыме. «Люди приучались, не потыкаясь из хаты, на слух выверять, кто огненным колесом катил по селу. Рыпят возы — это повстанцы Маруси, тачанки тарыхтят — махновцы, тяжело топают пехота — деникинцы, с гиком несутся конница — петлюровские гайдамаки, катит с пушками конная армия — это красные».

Кровавым Днепром и тут текло людское горе. «Вся наша Полтавщина похожа на пороховой погреб», — свидетельство известного писателя Владимира Галактионовича Короленко.

Документов точных о себе горе не оставляло. Можно теперь только догадываться, почему в первой книге Плужника из стиха в стих переходило сердцем выношенное, душой выстраданное —

Стиснул зубы. Потупил взгляд.
За оврагом село пылало.
Кто-то в спину ему — приклад.
— Вас немало!

(Перевод Евгения Новичихина).

И вновь неутешное —

Видно, очень у него болело:
Все облизывал губы, потом затих.
Небольшое на рогоже тело
Уже не спросят, — ты за каких?

И еще горькое —

Воронье, потеряв покой,
Выпивало свет из очей!

(Перевод Виктора Беликова).

Большая народная никогда не канет в Лету бесследно. Ее донесут сквозь время летописцы. «Молча вырастет где-то новый Тарас». Он выросал — в казачьей станице Михаилом Шолоховым, в каменном граде Михаилом Булгаковым и Андреем Платоновым, в слободском дворе Евгеном Плужником.

Боль стихом прорвется позже.

А пока, поспешая за сестрой, за отцом, под прощальный звон вокзального колокола, Женя-Евгений вспрыгивает на подножку вагона, в уходящий поезд. В поезд, который навсегда его увозит из степной слободы, где, по словам Андрея Платонова, «спокоен века были большие базары и жил зажиточный народ; ... в Кантемировке было праздно, интересно, можно пожить на базаре одним наблюдением множества людей, чтобы развлекалась на время душа».

Свистит и шипит горячим паром, набирает ход паровоз. Исчез позади дом с мезонином в саду. Растаяли запахи любистка и руты-мяты. Вот уже последние хаты мелькают в вагонном окошке. Грустный колодезный журавец над криничкой. Околица. Луговина. Вот уж пропал церковный купол, там крест над маминной могилой, как скорбный знак печали, страданий и благодати...

«Тихая моя родина». Сюда в думах будет Евгений еще не раз возвращаться — до самой «останней», последней жизненной межи.

«ЧУДОВЫЙ КИЕВ!»

В Киеве в 1926 году вышла знаковая литературная хрестоматия «За 25 лет». Ее авторитетные составители — Максим Рыльский и Ананий Лебедь.

Если сочинения Максима Тадеевича и сейчас на книжных полках, как украинского классика, то Ананий Дмитриевич, можно сказать, неизвестен даже дотошному читателю. Лебедь — уроженец местечка Веркиевка Нежинского уезда Черниговской губернии. Имел высшее образование. Жил в Киеве и преподавал на индустриальном рабфаке и в Коммунистическом университете. Литературовед, критик. По мнению Рыльского, был прекрасным знатоком творчества Михаила Михайловича Коцюбинского и современной украинской литературы. В 1937 году осужден и расстрелян «за политику» в свои неполные тридцать лет. Реабилитирован в 1958-м.

Рыльский и Лебедь в одноименнике представили лучшие избранные страницы украинской поэзии — от творившей на рубеже веков Леси Украинки до известных авторов текущего дня. Среди них значилось имя Евгена Плужника. О нем единственном в книге не сообщалось творческих сведений — по причине отсутствия таковых. Собственной книги ведь в багаже молодого литератора еще не имелось, печатался пока в газетах и журналах. Обнародовал стихов не так уж много, зато серьезные критики рекомендовали читателю Плужника, «как поэта сильно-го и интересного».

Вчерашний гимназист, паренек из провинциальной воронежской Кантемировки, и вдруг — вроде громко сказано: в кругу классиков. Но ведь точно заявлено — он среди пятидесяти авторов в хрестоматийной антологии украинской поэзии, в которую какие попало стихи не включали.

После отъезда из воронежской слободы минуло семь лет. Всего лишь семь? А каких? Не успева на ноги встать, молодой человек теряет брата, сестру, отца. Сам в полтавских селах, на возможной родине отца, — Великая Багачка и Новые Сорочинцы — близ Миргорода, в знаменитых гоголевских краях, работал учителем. В Багачке в ту пору проживало больше трех тысяч жителей. Для окрестных сел и хуторов это была не только волостная, но и культурная столица. Две церкви. Две начальных школы, в которых шесть учителей занимались с ребятишками. Земская больница с врачом и фельдшером. Плужник даже театральный кружок организовал, в каком был и режиссером, и драматургом, и ведущим актером.

Но жизнь была скудно, впроголодь. Месячное жалование учителю «положили» в три миллиона обесцененных рублей. Эти «лимоны» старались получить в иной «валюте»: триста граммов соли и полкилограмма сахара. Эти горсти меняли на хлеб, картошку — столь же мало. Если бы не поддержка родителей учеников, то хоть помирай от постоянного недоедания.

Спасла старшая сестра Ганна — летом 1921 года забрала брата к себе в Киев. Врач Анна Павловна вышла замуж за Антона Калениковича Скороходько. «Высокопорядочный человек, интеллигент из селян, прекрасный специалист». Был он деканом, а затем и ректором Киевского ветеринарного института.

В семье сестры обрел теплый приют Евгений. Времени на раздумья — куда пойти учиться — в канун сентября уже не было. Женю, как он сам позже шутил, — «женили в ветеринары». Институт оказался далеким от его интересов. Расстался с ним без сожаления, поступил в музыкально-драматический, поддерживая себя случайными заработками. Тут же ему напророчили славу актера. Похвалы именитого учителя — известного театрального педагога Владимира Владимировича Сладкопевцева, как ни странно, отвратили студента и от профессии артиста.

— Я век мечтал быть скромным работягой в театре. А профессор отравил мне душу славолюбием. Посеянное им стало прорастать. Признал за лучшее — уйти, не искушая себя. — Так после объяснялся с родными и близкими.

Впрочем, не это, видимо, было главной причиной метаний, исканий Плужника. Уже болел всерьез стихами. Уже ведала душа, что —

Я, помимо прочего, поэт, —
Какой хочу, такой и знаменитый.

Конечно, удивляет то, что выпускник русской гимназии быстро освоился в творчестве на украинском языке. Воронежское поле, где Евгений возрос, хоть и в губернских межах находилось, но оставалось частью Слобожанщины, Слободского края. Его население, пишет историк Дмитрий Багалец, сложилось из разных этнографических слоев переселявшегося сюда народа тогдашней Малороссии. Переплавив все наречия, испытав немалое влияние и русского, слободско-украинский язык больше всего приблизился к «мове» киевско-полтавской, а она-то стала основой языка литературного украинского. Его впитывал в себя Плужник еще в детстве в «живом народе» родной Кантемировки.

Явление Плужника в украинской культуре не единственное. Литературному языку в ней «ставил голос» вместе с Тарасом Григорьевичем Шевченко сын дружной воронежской слободы — Юрасовки. Лирика историка Николая Ивановича Костомарова остается заметной страницей в украинской поэзии. И еще один земляк — уроженец хутора Власова близ нынешней белгородской Алексеевки — Олекса (Алексей Кузьмич) Коваленко «после бесконечного монотонного перепева стихов Шевченко» настраивал поэтические кобзы «украинской музыки» на новый лад.

Вспомним, первые свои стихи Плужник писал на русском языке. Перебравшись на Украину, он с головой окунулся не только в стихию украинской речи. Он стал участником развития народной культуры, которую в ту пору поддерживала советская власть. В подтверждение лишь один факт. В 1929 году на украинском языке вели обучение в восьми из каждых десяти школ. Больше половины книг издавалось на украинском. Из 427 газет украинских было 373 — это уже 1933 год.

В Кантемировке, Россоши первые районные газеты печатались тоже на украинском языке.

Свое время, свою эпоху Евген Плужник воспевал совершенно искренне.

Улыбнулось семейное счастье вроде уже сполна испившему чашу страданий за годы гражданской войны. Суженая встретила в актерском молодежном брат-

стве. Дивчина, кстати, оказалась полтавской землячкой. Звали ее Галя Коваленко. Именитых женихов отвалил от красавицы по-плужниковски неожиданно: вначале насмешливым словом, за которым не лез в карман, а затем прилюдной выходкой — взял да и расцеловал Галю при всех ее поклонниках. И сразу же молча ушел. На другой день пытался вроде отшутиться:

— Начудили мы с вами, Галю. — Сказал и вновь исчез, теперь уже надолго из Киева. Ни письма, ни весточки чернобровой красавице, все больше тоскующей о нем. После признался: чувства выверял. А они оказались обоюдно крепкими. Хотя дивчине доброхоты ведь твердили:

— С ума сошла. У него же чахотка. Ты понимаешь: открытая форма туберкулеза.

— Он же не жилец на этом свете...

Когда полюбишь, ничего не страшно...

Евгений все чаще и чаще стал гостить у Галочки Коваленко и ее двоюродной сестры Маруси Юрковой. Вскоре девичью комнату в коммунальной квартире разделили перегородкой надвое. В одной части разместились молодожены, а рядом, уже соседкой, Маруся.

...Сегодняшний центр Киева, живущего уже в двадцать первом веке.

С Крещатика поднимаемся круто вверх по улице Прорезной в сторону Золотых ворот и древней Софии. Нашему путеводу Череватенко заметно тяжеловато шагать в гору. Объяснил: по молодости в шахте его завалило внезапно обрушившейся горной породой, придавило ноги. С возрастом случившееся вдруг напомнило о себе усталостью и болями. На полугоре Леонид Васильевич поворачивает в сторону. Мы оказываемся в переулке, плотно застроенном. Небольшой дворик. А перед нами кажущийся современной высоткой дом, как оказалось, старинной постройки.

— Смотрите на крайние окна шестого этажа. Угловая квартира под самой крышей. Вот там и жил Плужник.

От лифта Череватенко отказывается. Шагаем неспешно по широкой лестнице — мраморные ступени. Леонид Васильевич шутит как всерьез:

— Как-никак к Евгению Павловичу идем. Душа его витает и здесь. Ищите его следы и на ступеньках.

И мы послушно вглядываемся в каменные рисунки-прожилки. На самой верхней площадке под крышей дома у двери квартиры переводим дух и усаживаемся на широкий подоконник.

— Тут Евгений любил беседовать с друзьями. Помолчим? Может, услышим, как Плужник читает новые стихи?

Но тишину нарушают голуби — беспшашно выплывают за стеклом птичью чечетку по оконному карнизу. Нисколько не пугаются нас.

— Плужник любил их кормить. С той поры, наверное, приучены тут столоваться. Эх, жаль, в квартиру хозяева нас не пустят. Да и неудобно стучаться.

Железная сетчатая клетка лифта, ровненькие стены без трещин, трубы, батареи парового отопления, да и каменный подоконник — оглядываем подъезд внимательно, стараясь надолго его запомнить. Слушаем Череватенко: оказывается, в доме при его строительстве разместили большой бак с запасом воды, на крыше располагался «зимний сад».

— Умели при царизме строить на века, — рассказывает Леонид Васильевич. — Ведь это изначально был «доходный будынок» дочери миллионера, известного вам сахарозаводчика Терещенко. А за этой дверью в большой квартире жила потомственная дворянка Эмилия Леопольдовна, вдова варшавского генерал-губернатора Воилярярского Николая Михайловича, его убили революционеры в 1906 году. Непросто даже представить — как время и дом связали «сахарного короля» Рос-

сии, вдову генерал-губернатора, крестьянского сына из воронежской Кантемиров-ки, поэта — классика украинской литературы Плужника и теперь — незнакомо-го нам жителя Киева.

Мне позже удалось увидеть «плужниковский уголок» с противоположного скло-на Крещатой долины — из окон служебного здания нынешней Верховной Рады. Город играл солнечными зайчиками вниз, вверх на крышах домов, меж ними пла-менем свеч светились осенние островерхие тополя. Посредине яра бесшумным потоком по широкому проспекту лилась автомобильная река. Золотом искрились купола Софийского собора и Михайловского монастыря. И прибрежные горы, горы в шапках каштанов скрывали седой Днепр.

Как тут не воскликнуть схоже с Плужником:

— Чудовый Киев!

Плужник из своего окна видел эту же Крещатую долину и под вечной синью небес каштановые шатры над древней рекой, и золотые купола древней Киево-Пе-черской лавры.

А в квартиру, где жил Плужник, нас днем позже мысленно ввела Ольга На-умовна Титаренко, племянница жены Евгения Павловича.

— В годы революции вдова генерал-губернатора загадя уехала за границу. Ее просторная квартира стала советской «коммуналкой». По малолетству не помню, как нам, переселенцам с Полтавщины, удалось по-родственному в нее вселиться. О моем отце Науме Ивановиче есть строки в плужниковской поэме «Галілей»:

Кооператор один знайомий
(Сірий костюм, рукавички, бриль)...

Папа, действительно, работал в кооперации, был он «свояком» Плужника, мужем моей мамы Ольги Автономовны, старшей из четырех сестер Коваленко.

Отец и Евгений Павлович часто спорили. Как я теперь понимаю, Плужник не принимал, говоря современным языком, тогдашний рынок. В истории те «рыноч-ные хозяйственные отношения» известны как новая экономическая политика. Папа благосклоннее принимал НЭП. Впрочем, взгляды и расхождения в государ-ственной политике не сказались на их судьбе. Сначала арестуют Плужника, а поз-же и моего отца. Так закончилось мое детство.

— Мебель, — рассказывает Ольга Наумовна, — нам досталась от генеральши. Плужник, мне казалось, больше всего любил книжный шкаф с полным собрание-ем энциклопедии — словаря Брокгауза и Ефрона. Читал том за томом запойно.

Писал Евгений Павлович, стоя у бюро. Сейчас такой столик увидишь лишь в церкви на исповеди. Под рукой стеклянная квадратная чернильница и ручка со стальным перышком, чистые листы бумаги. С потолка свисал абажур, под ним покачивался игрушечный медвежонок.

Мне Плужник казался высоким и красивым. Запомнилось: читал он свою но-вую пьесу. Читал наизусть по памяти, играл каждую роль. Когда прерывался, молчаливо шли на кухню, пили чай и не обсуждали то, что только слышали. Когда закончил чтение, все почему-то плакали.

На кухне Плужника я часто видела у примуса. То прокачивал его, то подливал в бачок керосин, то чистил его. Очень любил жарить картошку.

Деньги на еду у нас хранились в одной копилке.

Мы знали, что Плужник очень тяжело болен. Часто шла горлом кровь. Воз-можно, и поэтому, считаю с высоты прожитых лет, был он баловнем в нашем ба-бьем царстве. Ездил в санатории Крыма и Кавказа — на время лечение ему хоро-шо помогало. Это заметно на сохранившихся фотоснимках.

Скажу отдельно о Юрковой. Марии Поликарповне он посвятил поэму «Галі-лей». Тетя мне говорила, что Маруся тоже нравилась Жене. Умная, с ней было о

чем говорить. Она была дочерью погибшего офицера русской армии. Как сирота, окончила в Петербурге Институт благородных девиц, а затем Киевский университет. Всю свою жизнь преподавала украинский язык и литературу в школах Киева. Ей было суждено сберечь киевский архив Евгения Павловича.

Галя тоже была с высшим университетским образованием, работала секретарь-машинисткой в Доме ученых. Очень красивая, наверное, потому и выбрал ее Евгений.

Что интересно, обе прожили долгую жизнь. Маруся умерла в Киеве на пенсии в 1980 году. В молодости у них в девичьей комнате на стене висел лозунг «на Байкове — не підємо!». Байково в Киеве то же, что Новодевичье кладбище в Москве. Так вот — Юркову Марию Поликарповну похоронили именно на Байковом. Рядом — условная могила Плужника с небольшой мраморной плитой. Наш Ленечка, Леонид Васильевич Череватенко, привез сюда освященную землю с Соловецкого погоста.

Жена Плужника, Галина Автономовна, после его ареста вместе с моей мамой и женой брата Плужника, Василия, Марией Сигизмундовной носили передачи в тюрьму. Возвращались в слезах. Боясь ареста, тетя Галя уезжала в Вологду, в семью старшей сестры Плужника — Ганны, Анны Павловны Скороходько. Где-то через год вернулась в Киев. В немецкую оккупацию она уехала на Запад. Мы о ней долго ничего не знали. В 1958 году я получила письмо из Китая от моей школьной подруги. Она известила: твоя тетя Галя жива. Она — в Америке. «Я ее видела, поцеловала и за тебя». Галина Автономовна прожила 93 года и тоже сохранила немалую часть архива Плужника — рукописи стихов, поэм, пьес, много семейных фотографий.

Из родных Плужника, — вспомнила Ольга Наумовна, — к нам заходил его брат Иван. Жил он, кажется, в Черниговской области.

Дальше вы, наверное, знаете? Из нашей квартиры Плужник вышел Поэтом. Свои первые стихи он не решался нести в редакции литературных журналов. Втайне от него это сделала его жена, моя тетя Галя. Она знала литературоведа и критика Юрия Меженко. Ему и доверила оценить стихи мужа. Тот прочел и — влюбился в творчество Плужника на всю жизнь. Писал о нем интересные статьи. Юрий Алексеевич уговорил и убедил Евгения Павловича не скромничать, а отдать стихи в печать...

* * *

Меженко в журнале «Життя й революція» дал высокую оценку его поэзии в статьях «Заметки на страницах «Дней» — первой книжки Евгения Плужника» и «Читая «Раннюю осень».

«Это о днях и даже о летах минувших... Гражданская война, голод, разруха... Поэт понимал, что пройден неизбежный этап, но все остается таким болючим, таким неожиданно жестоким. Но он верит в социализм как в любовь. Все так насыщено всеобщим страданием, что далекая светлая цель отодвигается за границы его взора. Будущее — еще далекая мечта, а сейчас близки кровавые, голодные дни. ...Это документ о минувшем времени».

«Наисовременнейший поэт. Оригинальный и сильный не только своеобразным мастерством, но и технично искусный. Он выступил уже не как начинающий, а как сформировавшаяся, сложившаяся литературная личность. За прошедший год мы сильнейшего и даже равного поэта не имели».

«Плужника лучше читать зимним вечером в темной хате. На столе лампа освещает лишь книжку. Читать в комнате, в доме сквозь тишину. Спокойно, обязательно в полный голос, без сильных акцентов, ритмично. И — тихо перелистывать страницу за страницей».

«Если бы мне довелось назначать поэтам чины, то я без всяких колебаний высший отдал бы Евгению Плужнику:

1. за то, что он не воспекает современность, а живет ею;

2. никого не проклинает и ни от кого не бежит, жизни не боится и сам «бумтараканьям» никого не пугает, как, к примеру: «а все же таки мы запад потолкачи-ли». (Был и такой герой в украинской поэзии);

3. мало говорит, но много видел и, самое главное, «гибель ради жизни» понимал как никто;

4. не охотник и не рыбак, в историю не влюбляется, хоть ее и знает, а делает то, что должен делать поэт — наблюдает и фиксирует. Дает каждому факту свою оценку.

...Схематично это выглядит так:

факт — *Он приставил соседа к стенке,*

Наган вынимает...

реакция — *Из-за тына таращатся детские зенки:*

Беспрощально играет!

факт — *Потом ели яшню с салом,*

Мотре тискали синие груди...

реакция — *О бывшее! Твоим вассалам*

Тесно в мире грядущем будет!»

Поэт дорожил мнением известного литературоведа и критика. Об этом говорят надписи на книгах, подаренных ему Плужником.

Титульная страница стихотворного сборника «Дни»: «Своему дорогому литературному крестному отцу Юрию Алексевичу с большим уважением. Автор. 15 октября 1926 года. Киев».

Первое издание романа «Недуга»: «Дорогому Юрию Алексевичу Меженко в знак неизменного почтения и признательности — пробу пера — автор. 24 мая 1928 года».

Третья книга стихов «Рівновага» («Равновесие») рождалась дольше. Поэт оставался требователен к своему слову. Это одно. Нужны были деньги для семьи и на лечение серьезной болезни, на поездки в санатории Крыма и Кавказа. Стихами их не заработаешь. Сборник сложился в 1933 году. Выпустить его в свет Плужник при жизни не смог, не успел...

Трудился Евгений Павлович редактором в книжных издательствах. Успешно осваивал иные литературные жанры. На «спор» с друзьями-прозаиками выдал «на гора» роман «Недуга». Читателям книга понравилась. Вскоре ее напечатали вторым изданием. Так, кстати, и обещал Плужник товарищам, когда «разбивали руки». Евгений, как всегда, подшучивал над приятелями и собой: «Я вкусил славы прозаика, а вы захватывающие внимание стихи не напишете».

На исходе двадцатого века, спустя 65 лет, в Киеве вспомнили и в третий раз выпустили «Русско-украинский словарь деловой речи». Еще в 1927 году его составили видные мастера украинского слова Валерьян Пидмогильный и Евгений Плужник.

Славил «голос» украинской литературе Евгений Павлович переводами русской классики. Он переложил с русского языка своих любимых писателей Чехова, Гоголя, Горького, Шолохова. Как никто, Плужник сразу почувствовал мощь и силу «Тихого Дона». Он старался бережно передать букву и дух книги великого писателя-современника.

Сравним звучание шолоховской прозы.

«Через полмесяца зарос махонький холмик подорожником и молодой польню, заколосился на нем овсюг, пышным цветом выжелтилась сбоку сурепка, махорчатymi кистками повис любушка-донник, запахло чабрецом, молочаем и

медвянкой. Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежееоструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом ее в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери, внизу на карнизе навеса мохнатила черная вязь славянского письма:

*В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.*

Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнить глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невнятную тоску.

И еще — в мае бились возле часовни стрепета, выбили в голубом полынке точок, примяли возле зеленый разлив зреющего пырея; бились за самку, за право на жизнь, на любовь, на размножение. А спустя немного, тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покровом старюки-польни, положила самка стрепета девять дымчато-синих крапленых яиц и села на них, грея их теплом своего тела, защищая глянцеви́то-оперенным крылом».

Напомню, буквы — и читается как *ы*; *і* как *и*.

«За півмісяця заріс малий горбок подорожником і молодим полинем, заколовся на нім вівсюг, пишнім цвітом вижовтилася збоку свіріпка, повними китицями звисло буркун-зілля, запахло чебрецем, молочаєм і медвянкою. Ускорах приїхав з ближнього хутора якийсь старий, викопав у головах могили ямку, поставив на свіжовиструганому дубовому стояні капличку. Під трикутним дашком її в темряві яснів скорботний образ Божої Матері, внизу на карнизі кошлатилася чорна в'язь словянського письма:

*Під лихоліття, за розбрату
Не осудіте, браття, брата.*

Старий поїхав, а в степу залишилася капличка смутити очі подорожнім одвічно сумовитим виглядом, збудувати в серцях невиразну тугу.

І ще, — в травні билися коло каплички стрепети, витолочили серед блакитного полину точок, примяли навколо зелений розлив достояного перію; билися за самицю, за право на життя, на кохання, на розмноження. А згодом, тут таки, коло каплиці, під грудю, під волохатим покровом старенної нехвороці положила самиця стрепета девять димчасто-синіх покращених яєць і сіла на них, гріючи їх теплом свого тіла, захищаючи глянцево-обпереним крилом».

Гимназист Женя в уездных городках пристрастился к кино.

Учитель Евгений Павлович на селе сколачивал драматические кружки. Ставили сразу полюбившиеся спектакли о сельской жизни, в героях которых зритель узнавал себя.

Поэт Евген Плужник писал киносценарии. Нам пока известно лишь об одном фильме «Тарко», вышедшем на экраны в 1926 году. Лента, к сожалению, не сохранилась. Фильм рассказывает «о жестокой эксплуатации российскими и иностранными капиталистами народов Севера в дореволюционные годы». В основу сценария положена популярная в ту пору книга для детей «Остров голубых песцов». Автор ее — сибиряк Иннокентий Петрович Грязнов. В 1920-е годы он жил в «городе над гордой Невой», работал в газете «Ленинградский пионер», писал стихи и прозу. Интересно, что позже вместе с семьей отправится на строительство Днепрогэса, где навсегда свяжет свою судьбу с Украиной.

Важное место в творчестве Плужника заняла драматургия. Пьесы «Профессор Сухораб», «У дворі на передмісті» были напечатаны в журнале «Життя і револю-

ция» в 1929 году. Последняя опубликована в переводе на русский язык в наше время в воронежском журнале «Кольцовский сквер» (№ 1, 2004 год). Комедия «На дворе в предместье» посвящена вечной «любобной» теме, из нестареющих, по-прежнему берет за душу, заставляет каждого поразмышлять о собственном жите-бытье.

Над трагикомедией «Змова у Києві» («Заговор в Киеве») Плужник работал пять лет. Написал ее в стихах, равняясь на знаменитое творение Александра Грибоедова «Горе от ума». Его он знал наизусть и любил читать вслух. Сам автор ценил ее высоко, очень надеялся увидеть ее на сцене. Тема — раскол в семье, среди родственников, противостоящих друг другу по политическим взглядам.

Пьесу автор в июне 1933 года читал на творческом вечере в Киевском доме литературы. «Присутствующие слушали заворожено, смеялись и плакали. А потом поздравляли, жали руки, целовали». Режиссеры брались ставить спектакли. Не сбылось...

* * *

Записи о встречах в семье Евгения Павловича оставила Тамара Мороз-Стрілець, жена поэта Григория Косынки. Мемуары опубликованы в книге «Голос пам'яті» (Київ, «Радянський письменник». 1980 год):

«А с Евгением Плужником я познакомилась у него же на квартире.

Григорий Михайлович сказал мне о нем:

— Поэт талантливый, своеобразный. Человек сердечный, деликатный, почтительный. Он не отважился зайти к нам и пригласил к себе.

Я волновалась, будто сама шла на смотрины. Мне говорили, что жена Евгения с хорошим вкусом во всем. Потому старательно принарядилась.

Нас встретили как дорогих гостей. Угостили чаем и лакомствами — пирожными, печеньем, конфетами. Я любовалась сервизом — вазочками, блюдечками, тарелочками. Тем, чего у нас, молодоженов, еще не было. Во всей обстановке чувствовалась рука заботливой жены, которая уделяла немало внимания домашнему уюту. Застолье шло мило, просто и приятно. Евгений Павлович и его жена были людьми, с какими уже с первой встречи чувствуешь себя так, будто давно с ними знаком. В беседе обменивались впечатлениями о новых спектаклях, фильмах. Мы очень долго засиделись в тот вечер у Плужников. И после часто встречались.

Евгений выглядел мыслящим человеком, но серьезному разговору мог придать понятный для всех и даже веселый характер.

Члены литературной группы «Ланка», что означало «Звено», а в нее входили Плужник и Косынка, собирались, чтобы почитать и обсудить свои еще не напечатанные стихи, рассказы.

Позже «Ланку» переименовали в «Марс» — «Мастерскую революционного слова»...

Творческое наследие классика украинской литературы Тараса Григорьевича Шевченко во все времена является на совершенно разных политических знаменах. Всяк толкует его так, как ему выгоднее.

У настоящего художника слова совершенно иное — искреннее, сердечное отношение к трудам старшего брата. Это подтверждает и автор воспоминаний. Вместе с мужем ей пришлось участвовать в школьном «Шевченковском свято».

«...Большой портрет Шевченко, копия работы Ильи Репина, стоял на сцене. Перед ним встал красивый юноша. Какой-то миг он молча вглядывался в картину. Освещение в зале убавили, и только лицо Кобзаря было ярко высветлено.

— «Шевченко» — стихотворение Евгена Плужника.

Зазвучал приятным тембром выразительный голос юноши:

Коли надійдуть втома и зневір'я,
В його портрет вдивляюся тоді —
І знову в серці відчуваю мир я
І тихий голос радісних надій.
Когда придут усталость и неверье,
В его портрет с надеждою смотрю, —
И снова в мир распахиваю дверь я
И с будущим, и с верой говорю.

Молодой человек смотрел на портрет Шевченко так, вроде был с поэтом один на один. Это приковывало взгляд к изображению великого Кобзаря и усиливало восприятие стиха.

Такий спокійний дивиться він з рами.
О, це за всіх замислене чоло,
Що наче символ стало над часами
Того, що в нас нове перемогло!
Такой спокойный, смотрит он из рамы.
За нас всех озабочено чело,
Что, словно символ, встало над веками —
Победой нового, что в нас взросло!

Прочитаны последние строки:

— Щасливий нарід, що його віродин
Був на землі воістину пророк!
— Велик народ, чей сын, поэт и воин
Был на земле воистину пророк!

(Перевод В. Великова).

Присутствующие в упоении. Сразу даже не зааплодировали. Зато чуть погода не единожды вызывали юношу вновь и вновь на сцену.

Это выступление оставило необычайное впечатление...

По пути домой мой Григорий Косынка сказал:

— Жаль-жаль, что Евгений не увидел и не услышал свое стихотворение в таком исполнении».

* * *

«...Готова к печати свой первый поэтический сборник «Дни», Плужник хотел услышать критические замечания и пожелания своих товарищей. Несколько раз он читал из будущей книги стихи — как бы проводил «творческий совет».

Мне запомнился день, когда Григорий поранил ногу, был прикован к дивану, потому попросил Евгения к себе.

В ту встречу Плужник прочитал:

Сьогодні день, здається, перший влітку
Полям засмаленим чоло омив;
Крізь дощову і рівну сітку
Запаленіли ізмарагди нив...
Пролился дождь, за много дней впервые
Лицо полей иссушенных омыв.
И сквозь густые сети дождевые
Зарделись, засветлились щёки нив...

(Перевод Е. Новичихина).

Свои лирические стихи Евгений читал немного певуче, что придавало им приятную музыкальность.

Когда прозвучали начальные строки стихотворения «І вийшов на поле, а поле — мертве...», то среди слушателей прошел то ли легкий шелест, или шепот.

І вправ навколiшки, і плакав ревне...
І чув, як лагідно ростуть жита...
І болев спокою себе упевнив, —
Криваво зрошена зросте мета!
Пал на колени, и плакал горько...
И слышал: вольно растут жита...
Уверил болью в одном лишь только:
Омыта кровью, взойдет мечта!

(Перевод В. Будакова).

Потом выяснилось, что товарищи уже знали этот стих и не рекомендовали его включать в сборник.

Когда Плужник прочитал отрывок из поэмы «Галілей», Косынка сказал:

— Меня удивляет — откуда такой тоскливый настрой? «А мені вже — нічого й нікого...»

— А мне нравится, — ответил Евгений, — пусть знают лицо поэта!

— Разве это лицо? — удивился Косынка — «...серенький я весь такой...» — это лишнее кокетничанье с читателем. Поэт Плужник своими первыми стихами «Он», «Шевченко» уже показал свое истинное творческое обличье.

Евгений в ответ заметил:

— Можно думать, что вы, Григорий, не пишете о руинах, о разрухе, что остались после кровавых боев, что у вас в прозе нет «заплакали села...», «а в пепле тлеет горе матери...».

Тут не сдержался Валерьян Пидмогильный:

— Но у Косынки есть — «За сгоревшие наши хаты, за кровь братьев и волю нашу — вперед!..»

— А у вас, Евгений, — добавил Дмитро Загул, — светлое будущее придет не в борьбе, без усилий человека.

Григорий высказал свою мысль:

— Мы должны отображать исторически характерные дела и настроение подавляющего большинства.

— Я согласен, что у Косынки настрой большинства, а у меня — личное восприятие.

Одновременно Евгений засмеялся и, улыбаясь, добавил:

— Пусть читают нас одновременно — мы будем дополнять друг друга.

— Евгений, почему вы серьезные разговоры всегда переводите на шутки? — спросил Валерьян Пидмогильный...

Поэзия Евгена Плужника сложная. Казалось, что он иногда «шифрует» свои раздумья, мысли и надежды. Потому товарищи не раз спрашивали его, просили пояснить те или иные стихи или отдельные «непонятные» места.

В тридцатые годы мы уже встречались реже — Плужник часто уезжал из Киева к морю на лечение...»

Из воспоминаний Бориса Антоненко-Давидовича, опубликованных в книге «Здалека й зблизька» (Київ. «Радяньский письменник». 1968 год):

«...Стояла глубокая осень 1925 года, когда хлопотами литературного и театрального критика Юрия Алексеевича Меженко поэт Плужник пришел к нам, молодым авторам, в «Ланку».

...В тот вечер, когда за окном сеял мелкий частый дождик, окна слезно плакали по теплу, по лету, по солнцу, мы все вдруг почувствовали весну.

...Очередная читательская вечерка проходила в зале Всенародной библиотеки Украинской Академии наук (теперешний актовый зал Киевского университета). Здесь собралось немало людей разного возраста, разных профессий и с различными литературными пристрастиями.

...Кого-то приятно поразило выступление тогда еще неведомого никому Плужника, других же его поэма «Галілей» просто-таки сбила с толку. Уже первые строки, какие выразительно и просто, без чрезмерной приподнятости речи и патетики, читал этот неизвестный поэт в скромной черной блузе, с большими умными черными глазами и пышным, зачесанным назад тоже черным чубом, приковали к нему внимание набитого народом зала:

По безмежных просторах знайома путь
Не втомила землю и досі, —
Бо ось знову дощі ідуть,
Осінь.

По бескрайним просторам торя пути,
Не устала земля скрипеть осью,
Ібо снова ідуть дожди —
Осень.

В притихший зал падали прекрасно-сердечные, то наполненные большим социальным гневом, то мечтательно-печальные слова, обращенные в далекое прошлое, к тому стройному, гармоничному грядущему, ради какого

Свій терновий вінок посипає
Конфетті мій скривавлений час.

Мой терновый веночек изузорит
Час беды мишуры конфетти!

Казалось, что через десятки лет воскрес русский Некрасов, чтобы совсем в иных социальных условиях карать новым украинским словом тех, «чьи щелепы, мов обценьки» («чьи челюсти, будто клещи»), того откормленного мещанина, что в час НЭПа взялся реставрировать красно перечеркнутый старый собственнический мир. Не случайно же эпиграфом к «Галілею» Плужник взял слова Некрасова —

От ликующих, праздно болтающих,
обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Да к некрасовскому окровавленному темпераменту в Плужнике присоединялась еще и чеховская интеллигентность с преждевременной усталостью, с флером грусти, причиненной туберкулезом легких...

Чеховский минор, соединенный с кроткой печальной усмешкой, означает выразительнее в дальнейшей поэзии Плужника, а сегодняшний «Галілей» был, вспоминая философские концепции поэмы, пылким антиНЭПовским памфлетом. Да не это было в нем новинкой или, как говорят, — литературным открытием.

После пуританской романтики первых пламенных лет революции многие тяжело принимали цинично открытый, сытый НЭП с блестящими витринами частных магазинов, с кричащими модами и шумливыми ресторанами, заполненными подозрительными субъектами, что вылезли из темных закутков да из щелей минувшего под яркий свет ресторанных огней.

...Новое в «Галілее» было в ритме поэмы, в смелом переходе от одного размера

строфы к совсем иному, в предельно сжатых изречениях, в настрое вибрации слов, с тонким вкусом взятых из богатой лексической палитры.

Поэт-чтец не только завладел вниманием большого зала, — он покори́л своими чувствами и мыслями присутствующих. Тишина в зале становилась и дальше напряженной, густой, когда страшно стало не услышать не то что отдельное слово, а даже малую интонацию поэта. Я давно не испытывал такой властной силы художественного слова и на самом себе, и на других. Эмоциональное напряжение слушателей доходило до края, до отдачи. Казалось, что еще миг — и кто-то в зале, а может и весь зал, обозленный в единое необычное воодушевление, не выдержит уже этого эмоционального шквала. А в зале эхом звучало:

Ой, упали ж та впали криваві роси
На тихенькі-тихі поля...
Мій народе!

Темний і босий!
Хай святитись твоє ім'я!
Хай розквітнуть нові жита
Пишним цвітом нової слави!
Гей, ти, муко моя свята,
Часе кривавий!

Убиєним синам твоїм
І всім тим,
Що будуть забиті,
Щоб повстати в безсмертнім міті,
Всім
Ім —
Осанна!

Ой, упали кровавые росы
На тихие поля, на жнивье.
Мой народ!

И темный, и босый!
Да святится имя твоё!
.....

Убиенным сынам твоим
И всем тем,
Что будут пограны,
Что в бессмертье шагнут сквозь бои, —
Всем
им —
Осанна!

(Перевод В. Беликова).

Никому в тот темный осенний вечер, какой неожиданно обернулся ясным праздником поэтического слова, не могло и в голову прийти, какое реально трагичное содержание вберут эти слова Плужникового «Галілея» через много лет, когда не только на тихонько-тихие села, а и по всему краю упадут кровавые росы произвола и войны...

Тот вечер принадлежал великой эпохе бурного взлета Советской Украины, когда украинское слово набирало мощные силы и широкий диапазон звучания, когда его работники бодро ступали восходящей дорогой к творческим высотам.

Шел в гору и Плужник».

* * *

Раз рядом с поэтом сердца близкие и родные — все заживет, минется, забудется. Как бы не так! Чахотка — будто роковой напастью — за какие-такие грехи? ведь не за что! — терзала род Плужников. Вышла первая книга стихов «Дни».

Радость была омрачена очередной горестной утратой: наследная хворь вновь свела в могилу и брата Василия, только утвердившего себя на поприще агронома Киевской земельной управы. У самого Евгения нет-нет, да и шла кровь горлом. Спасали пока врачи, частые поездки в Крым, на Кавказ, в село.

И, конечно, дарили душевные силы жена, друзья, каких немало появилось в Киеве, Харькове.

Может, действительно, поэт рождается лишь в том, у кого с юности в чернявый чуб вплетаются седые пряди волос. Только так, в кровавых переживаниях, думы твои переплавляются, выгорают в стихи.

Напишешь, рвешь... И пишешь снова!
И снова результат не тот...
Пока истертых слов полову
Усталость в памяти сожжет!

(Перевод Евгения Новичихина).

Одно уже твердо знал Плужник — ему «души не вычерпать до дна».

Я понимаю так: скажу — как мне дано уже —
Только твое, сработанное лишь тобой;
Если строкой какой понравится душе, —
Только такой!

В минуту откровения говорил Гале и ее близкой подруге, ее двоюродной сестре Марии Юрковой.

— Если быть поэтом, то — большим. Написать бы важное, единственное, что бы каждый мог сказать: это Плужник.

В ту счастливую пору — и верный друг-жена, родные, друзья надежной опорой, и чувство силы на «все впереди» — Евгений, судя по фотографиям, а сниматься любил как сам, так и с друзьями, перерос себя. Прежний худорослый паренек, как шутят на родной Слобожанщине, «вычухался». На лицо стал справным, округлились обычно запавшие щеки. Засмеется — даже ямочки появляются в уголках губ. К одежде обрел вкус: костюм не с чужого плеча, галстук или рубаха с расшитым воротом. Густой чуб волною. Улыбка, но в глазах все та же неисходная печаль, неисчезающая грустная и тревожная дума.

Как поэта вынынчивала его, воспитывала литература связанных кровным родством народов — русского и украинского. Дотошный буквоед от филологии отыщет в стихах ответ Грибоедова и Пушкина, Тютчева, Григория Сквороды и Леси Украинки, Блока и Есенина. «Апостолами правды» были для него, прежде всего — «мой Кобзарь», «селянин Тарас» и великий русский поэт, «народный заступник». Где бы ни жил Евгений, вспоминают родные, всегда над столом висели портреты Тараса Григорьевича Шевченко и Николая Алексеевича Некрасова.

Многое дала уму юноши классическая гимназия. Судя по стихам, Плужник прекрасно знал мифы народов мира, отечественную и всемирную литературу, историю. Собратья по творческому цеху, не ведая толком, из какой «шинели» вышел поэт, зачисляли сельского сына в «интеллектуальную аристократию».

А Плужник стремился быть самим собой.

Рос он «на межах двух миров», «у двух веков на грани». Трагический отблеск времени лег на его творчество. Оно, правда, не звенело, как требовали того в отношении к литературе крепнущие тогда государственные каноны, громом индустриализации-коллективизации. Не было в строке «ни трансмиссий, ни молотков, ни тракторов». А ведь из уст главного идеолога страны Бухарина уже прозвучала установка о том, что «нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни индустриализации-коллективизации».

щих, храбрых строителей». Бухарин призывал: «по есенинщине нужно дать хороший залп». Не потому ли лиру Плужника особо не жаловали тогдашние критики. Не просто — не привечали. Спешили оклеймить тавром то «рафинированного» интеллигентика, то «скептика с недоверчивыми глазами», «непоправимого пессимиста-нудьгара».

Тогдашняя, числившая себя в пролетарской рати, литература звала дать «бой Днепру!» и на все лады славил пролом в гранитном камне от Балтики к Белому морю. И не замечала того, что на крестьянских костях ставились плотины, возводились каналы. «Время, вперед!» — кричала заголовками пухлых романов.

А рядом — негромко сказанное, незвучно сложенное...

Такая, пусть и пронзительная, строка, конечно, не в лыко «маршам энтузиастов». Потому критика судила строго, выносила несправедливый приговор. А время утверждало мнение старшего товарища по перу Максима Рыльского о поэзии Плужника: «каждый нерв, что тут бьется, бьется сегодняшними болями», стихи — «как тот звон, что мертвых оплакивает, живых созывает, оплакивает тех, кто упал на шляху, — и закликает тех, кто еще идет, не останавливается — не падать; даже упав, верить в «всесветную Мекку»... Через трагедию идем к очищению...»

Далекое завтра! В кровавой пыли
Какие ты зерна посеешь?
...Ой, мама! Ну что же так
сердце болит?
И ты не согреешь!

(Перевод Евгения Новичихина).

Из истории, как ее не перекраивай, что из песни, — произнесенного слова не вернешь, сотворенного дела не выкинешь.

Частный вроде случай, увиденный поэтом. Косарь в хлебах наткнулся на желтый череп. Сразу склонился в испуге — не выщербил ли косу серебристую. А череп с досады пнул ногой. «Поразбросало вас», — проговорил.

Житом-рожью, травами забвения засевали и засеваем прошлое, раз и навсегда урезав тысячелетнюю историю народную, чтобы она напрочь перестала существовать не только в умах, но и в сердцах поколений.

О, коротка, как будто смерть, дорога,
Что разорвала мир на «тут» и «там»!
Я никому теперь уж не отдам
Всего себя, не повторю былого!
Пускай гудки ликующе и строго
Кроют утрами вечность пополам —
Чужой теперь я новым всем богам,
С своим крестьянским разминувшись богом!

(Перевод Виктора Беликова).

Спустя десятилетия говорим, что такой дорогой, таким путем нам к Храму на зеленом холме не выйти. А ведь и тогда, еще в революционном истоке, думали, размышляли об этом люди. Понимали. И не молчали, пытались остановить тех, кто спешил рушить мир «до основанья», кто наотмашь рубил живую связь времен.

Перелистаем вместе книгу поэта, его «заповит»-завещание, в конце восьмидесятых XX века любовно изданную в Киеве стараниями писателя Леонида Васильевича Череватенко. Стихи густо перемежаются с фотографиями, на которых цвет украинской литературы двадцатых годов «плужниковского» века. Плотней и плотней обступает тебя давний и дивный мир, запечатленный в слове, в мысли, в пор-

трете. Поэты-писатели, скажем так — в плужниковском круге, как прекрасны вы уже потому, что молоды. Пишу о вас, Валерьян Пидмогильный, Юрий Меженко, Григорий Косынка, Николай Зеров, Мария Галич, Борис Тенета, Дмитрий Фальковский, Борис Антоненко-Давидович, Павло Филиппович, Павло Тычина, Максим Рыльский. Все вы и ваши — мной не названные — други-братья, как на подбор — с глазами мечтателя и мыслью философа. Вы жили и думали, думали и жили. Творили, как было дано свыше, в старину говорили — от Бога. Не поступались совестью. Или так только казалось? Ведь еще когда молвлено: «Отче наш, Иже еси на небесех! ...не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». А лукавый умело расставляет ловушки. Не потому ли за многими из вас вдруг (по злому ли извету?) являлись нечестные силы.

Как и за Плужником...

Сколько ни вглядываюсь во тьму лет — не пойму, не разберусь. В чем и каюсь, грешный...

До самой кончины дружина-жена поэта Галина Автономовна (а умерла она вдали от родины, в чуждом ей Нью-Йорке на 92-м году жизни в сентябре 1989 года) не могла без слез вспоминать тот страшный час, враз круто изменивший судьбу молодой семьи. Ополночь еще светилось окно их комнаты под самой крышей дома на Прорезной. Галя читала. Склонился над листами будущей книги Евгений. Текущий 1934 год для него складывался вроде бы неплохо: был делегатом первого Всеукраинского съезда писателей, в числе первых вошел в новый литературный Союз, заметно поправил здоровье — лечился на кавказском побережье Черного моря. И вот душу омрачили недобрые предчувствия. Вдруг арестовали близких друзей Плужника — литераторов Григория Косынку и Дмитрия Фальковского. Случившееся с ними не выбросишь из головы, потому и ночью загружал себя работой. Звонок в дверь, резко порушивший тишину, встряхнул, оторвал от дела.

— Кто так поздно?

— Женечка, пойдй открой, это за тобой.

— За мной... Чего ж так рано, лишь двенадцать, подождали бы еще...

Вернулся не один, со следователем НКВД.

...Не кличь беду. Как напорочил, совсем недавно начал стих строкой: на хуторе, как в тюрьме, тихо.

Нет, ошибся, в тюрьме было не просто страшно тихо, — невыносимо, пронзительно одиноко. Душу ломать тут умели. Во сне не снилось, что сам поименуешь себя — террористом, изменником, шпионом (как прикажут). На воле говорили ведь с друзьями о всяком, всего не упомнишь. Говорили вроде бы без злого умысла. Больше *фрондировали* — выражали свое недовольство текущим бытием, дух противоречия с рождения присущ каждому из нас. Не потому ли у Плужника однажды выплеснулось на лист бумаги:

Немає сумніву: мені щораз нудніше
У товаристві друзів-юнаків;
Їх дотепи могли б звучати тихше
І навіть теми бути не такі...
Та в той же час кортить мене додому
З поважних бесід про минулі дні...
...Бути самому
Хочеться мені.

Нет сомнения: мне тоскливо
В кругу товарищей-друзей;
Остричь могли бы незлобиво,
Вести беседы помилей...

Встретились-свиделись — не рад никому.
Домой тороплюсь, лечу, как во сне.
...Побывать одному
Хочется мне.

Но раз вольно или невольно ступил на тропу войны, теперь сам о себе сказал с горьковатой усмешкой:

— Для такой, как я, мерзоты, шлях один — к вечной мерзлоте!

СУД ДА ДЕЛО

...Предзимье. 1934 год.

Протоколы допросов, очных ставок дополняют и позволяют обстоятельнее понять трагические страницы в судьбе поэта.

Евген Плужник в своей творческой кузнице, как и каждый литератор, был одинок. Склонялся он над чистым белым листом бумаги и писал не ради собственного тщеславия. Божьей искрой высекал слова — «чтобы мир стал лучше, а человек человечнее».

И тут же хотелось быть услышанным.

Потому, напомним, в 1923 году поэт вступил в киевскую Ассоциацию писателей — Аспис. Она объединяла «непролетарскую» литературу. В 1924 году Плужник уже член литературной группы «Ланка» («Звено»). Через пару лет ее переименовали в «Марс» (мастерская революционного слова). «Марс» считался неофициальным отделением столичной харьковской группы ВАПЛИТЕ (Вольная академия пролетарской литературы).

Бурное оживление на культурном фронте шло, в буквальном смысле, от Москвы до государственных окраин. В политическом словаре появилось модное слово — коренизация. Оно означало новую советскую национальную политику, заявленную Двенадцатым съездом Коммунистической партии в апреле 1923 года.

«Съезд уделил серьезное внимание национальному вопросу. Докладчиком по этому вопросу был тов. Сталин. Он подчеркнул международное значение нашей политики по национальному вопросу. Угнетенные народы на Западе и Востоке видят в Советском Союзе образец разрешения национального вопроса и ликвидации национального гнета. Тов. Сталин указал на необходимость энергичной работы по ликвидации хозяйственного и культурного неравенства между народами Советского Союза. Он призывал всю партию к решительной борьбе с уклонами в национальном вопросе — великорусским шовинизмом и местным буржуазным национализмом.

На съезде были разоблачены национал-уклонисты и их великодержавная политика в отношении национальных меньшинств. Тогда против партии выступали грузинские национал-уклонисты — Мдивани и другие. Они были против создания Закавказской федерации, против укрепления дружбы народов Закавказья. Уклонисты вели себя по отношению к другим национальностям в Грузии как настоящие великодержавные шовинисты. Выселяли из Тифлиса всех негрузин, особенно армян, издали закон, по которому грузинка, выходя замуж за негрузина, теряла грузинское гражданство. Грузинских национал-уклонистов поддерживали Троцкий, Радек, Бухарин, Скрышник, Раковский.

Вскоре после съезда было создано специальное совещание работников национальных республик по национальному вопросу. На нем были разоблачены группа татарских буржуазных националистов — Султан-Галиев и другие, и группа узбекских национал-уклонистов — Файзула Ходжаев и другие.

XII съезд партии подытожил результаты новой экономической политики за два года. Эти итоги внушали бодрость и уверенность в конечной победе.

«Наша партия осталась спянойной, сплоченной, выдержавшей величайший поворот, идущей вперед с широко развернутым знаменем», — заявил на съезде тов. Сталин».

Как тогда полагалось, во исполнение намеченного курса партийная конференция КП(б)У объявила об «украинизации», какую намечалось осуществить к январю 1926 года. Решения коммунистов, узаконенные декретами украинских ЦИК и Совнаркома, выполнялись, по присловью, ни шатко, ни валко. В связи с этим в апреле 1925 года Эммануила Квирига «ушли», а первым секретарем ЦК КП(б)У избрали Лазаря Кагановича. Чуть ранее, в сентябре 1924-го, новым наркомом просвещения был назначен Шумской. Александр Яковлевич, коммунист из недавних эсеров, взялся последовательно и настойчиво навести упущенное. Видимо, не без его участия сместили первого секретаря. Поскольку — в октябре 1925 года Шумской при встрече со Сталиным «поставил вопрос» об отстранении и Кагановича от должности, замене его «коренным» украинцем-революционером-большевиком Власом Яковлевичем Чубарем. Изучив ситуацию, 26 апреля 1926 года генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин в письме «Тов. Кагановичу и другим членам Политбюро КП(б)У» высказал свою озабоченность фанатической деятельностью наркома просвещения Александра Шумского: он «неправильно понимает украинизацию и не видит в ней опасности. ...это движение может стать в некоторых местах борьбой за отчуждение украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, что может вылиться в борьбу против «Москвы» вообще, против россиян, против русской культуры». В 1927 году в ходе дискуссии по национальному вопросу позицию Шумского осудили партия и Коминтерн. Его освободили от должности и откомандировали в Ленинград, где Александр Яковлевич возглавил Институт народного хозяйства имени Фридриха Энгельса.

Главным же творцом украинского национального возрождения стал Скрыпник. Николай Алексеевич — личность легендарная в рядах большевиков ленинской гвардии. Он из первых членов Российской социал-демократической рабочей партии. Из автобиографии: «С 1897 года я вел свою работу как марксист, социал-демократ и с этого времени считаю себя членом партии».

Вспомним: наш Плужник родился на исходе 1898 года.

Революционер Скрыпник смело брался за самые ответственные дела в Петербурге и Царицыне, в Саратове и Екатеринбурге, в Одессе и Екатеринославе, Красноярске. Он активный участник первой российской революции. За подготовку вооруженного восстания в конце 1905 года «меня в Риге заочно приговорили к смертной казни». Биографы подсчитали: Николая Алексеевича пятнадцать раз арестовывали, семь — ссылали. О его побегах ходили легенды: «Из Риги я проехал через Питер в Ярославль, где довольно случайно был арестован. У меня нашли мои проекты резолюции к подготавливавшейся конференции комитетов северной области и выслали на 5 лет в Туруханский край. За Енисейском я бежал с пути. Работать остался в Красноярске. Здесь, между прочим, провел избирательную кампанию во 2-ю Государственную Думу и после последнего избирательного собрания был арестован на улице. Судебного дела создать не удалось, и меня вновь отправили на 5 лет в Туруханский край. На этот раз пришлось дойти до Туруханска и уже оттуда бежать, сделавши 1200 верст вверх по течению Енисея на лодке и пешком». И еще: «В это время... почва под моими ногами в Екатеринбурге стала настолько горяча, что я однажды сбежал от шпиков, лишь проскользнув через «веселый дом», настолько неотступна была слежка. Был даже раз арестован полицией, но сбежал. Пришлось экстренно уезжать из Екатеринбурга». В Харькове из Холодногорской тюрьмы он тоже сумел уйти — через дымоход.

В дни Октябрьского переворота большевик Скрыпник в Петрограде — «глав-

ный специалист по рабочим столицам». Он защищает революцию с оружием в самый критичный час — в рядах красногвардейцев громит на Пулковских высотах войска Керенского-Краснова.

С декабря 1917 и до самоубийства, случившегося 7 июля 1933 года, Николай Алексеевич устанавливает и крепит советскую власть в родной Украине. Теперь на его пути не стоял товарищ Артем (Федор Андреевич Сергеев), отец-основатель Донецко-Криворожской республики с центром в Харькове. Авторитетный политический деятель, его партийное имя-псевдоним поныне носят города на Украине, Урале, в Сибири. Он яростно выступал за федеративное устройство страны не по национальному, а по социально-экономическому принципу. Будь так — остался бы, возможно, на века нерушимым Союз Советских Социалистических Республик. Но — 24 июля 1921 года Артем погиб при испытании железнодорожной «аэролетушки».

Биографы свидетельствуют: «С июля 1918 года Скрыпник являлся членом коллегии ВЧК, начальником отдела по борьбе с контрреволюцией, затем секретно-политического отдела. Не хотелось бы обидеть тех, кто восторгается его бесстрашием, принципиальностью, но надо отметить, что это был очень непростой отдел. А проще говоря — самое страшное подразделение ЧК. Таким образом, Николай Алексеевич является одним из главных организаторов красного террора на Украине, он лично разрабатывал планы и участвовал в проведении чекистских операций. «Мы отрицаем какое-либо право буржуазии, — говорил отважный партиец, — на моральный протест против расстрелов, которые проводит ЧК». В 1921–1927 годах Скрыпник — народный комиссар внутренних дел, нарком юстиции, первый генеральный прокурор Украины. За непримиримую борьбу с некоммунистическими партиями, с оппозицией среди коммунистов Лев Давыдович Троцкий назвал Скрыпника «верным сталинцем».

Роковое расхождение с «генеральной линией партии» Николай Алексеевич допустил на посту наркома просвещения. Именно ему надлежало утвердить: «Украинизация, являющаяся неотъемлемой частью культурной революции и социалистического строительства, должна стать в центре внимания нашей работы. Всякая недооценка украинизации или могущие возникнуть элементы великодержавного или украинского шовинизма должны встретить решительный отпор».

«При Шумском» делалось немало хорошего. В школах, училищах и техникумах, в высших учебных заведениях вводили обучение на украинском языке. Росло издание книг, газет и журналов. Поддерживалась коренная культура в музыке, театре, кино. Но — приказы исполняй под козырек. Ускоренно изучай и знай все национальное сразу и сейчас. Причем, не всегда добровольно, а по принуждению. Иначе — потеряешь работу, должность, окажешься человеком второсортным.

Исправить подобные перегибы и был призван партией Скрыпник.

«Коренизацию» Николай Алексеевич дополнил обновлением украинского правописания. Правда, его творцы при этом держали равнение не на русский, а на европейские языки. Свое видение национальной политики он излагал так:

«Украина является самостоятельным членом Союза Советских Республик. Украинизация проводилась и будет проводиться самыми решительными мерами... Тот, кто это не понимает или не хочет понимать, не может не рассматриваться правительством как контрреволюционер и сознательный либо несознательный враг советской власти».

Скрыпник со своей трибуны в статье «Донбасс и Украина» жестко призывал русских перестать быть русскими:

«Для того чтобы осуществить свои классовые, пролетарские, коммунистические задачи, рабочему классу на Украине нужно, обязательно нужно не отожде-

ствлять себя с русской языком и русской культурой, не противопоставлять свою русскую культуру украинской культуре крестьянства, напротив, нужно всемерно идти в этом деле навстречу крестьянству».

Истоки «самостийности» члена ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна в чем-то объяснимы. В приложении к 41-му тому известного Энциклопедического словаря Гранат «Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции» (1929 год) напечатана подробная автобиография Скрыпника, написанная Николаем Алексеевичем во время партийной чистки 1921 года.

«Происхожу я из железнодорожной семьи, мой отец был железнодорожный служащий — сначала телеграфист, потом помощник начальника станции. Родители мои, люди простые и без образования, относились к имеющемуся строю политического и экономического угнетения смутно-враждебно. Отец в начале 1850-х гг. был знаком с работниками воскресных школ, где он учился после освобождения крестьян, мать моя — в конце 60-х гг. и в начале 70-х оказывала некоторые услуги харьковским революционерам, когда она была на акушерских курсах. Оба они вынесли из этого времени чувство почтения к революционерам и недовольство господствовавшими условиями и в известной мере передали его мне. Род. я 13 января 1872 г. в селе Ясиноватом бывш. Екатеринославской губ. Вырос на железнодорожной линии, на железнодорож. станциях, куда отца почти через полгода перебрасывали, все по Украине; учился сначала в 2-классном сельском училище с 5-ю отдел. в слободе Барвенково Изюмского уезда Харьковской губ., а затем в Изюмском реальном училище, откуда был уволен потом за обнаруженную пропаганду среди крестьян. Пришел к сознательности вне чьего-либо прямого воздействия, потому что в гор. Изюме не было ни одного не только революционера, но даже либерально мыслящего человека. Развивался в одиночку. Исходным пунктом моего развития было изучение украинской литературы и истории Украины, влияли и семейные предания — о предках-запорожцах, об одном из прадедов, посаженном польскими шляхтичами на кол за участие в восстании Зализняка и Гонты в XVIII веке. Стихи Шевченко побудили меня читать литературу по истории вообще, в частности, по истории Украины, в особенности, эпохи освободительных восстаний, войны и руины, где я встретился с Черной Радой и восстаниями классового характера угнетенных против казацкой старшины. Это укрепляло мое критическое отношение к господству имущих, а вместе с тем подвинуло к чтению по вопросам историческим и экономическим. С другой стороны, возбужденный той же украинской литературой интерес толкнул меня заняться последовательно фольклором, лингвистикой, первобытной историей, антропологией, геологией, теорией развития космоса.

Путь моего развития, таким образом, был совершенно различный от развития российских интеллигентов-революционеров. Выработка мировоззрения была крайне мучительна, внутренних много пришлось изжить противоречий... Связи первые и нелегальную литературу имел из Галиции от радикалов украинских».

Получив в молодости прививку «радикализма» и «галицизма», Скрыпник всю жизнь оставался сторонником решительных действий и крайних взглядов. Нарком просвещения утверждал самостоятельное значение украинского языка. Он же настаивал на присоединении к Украине приграничных российских областей, где в местах «компактного» проживания украинцев по его инициативе тоже настойчиво велась «коренизация». В плужниковской Кантемировке первая районная газета «Прапор комуни» («Знамя коммуны») вышла на украинском языке. А в тогдашней Центрально-Черноземной области издавалось 24 районных газеты на украинском языке общим тиражом в 72 тысячи экземпляров. В Россоши открыли педагогический техникум, в котором «ковали» учителей украинского языка. Известен и такой случай: он, кстати, не единственный. Писательницу Елизавету

Михайловну Милицыну — она заведовала библиотекой в воронежском райцентре Ольховатка — уволили, «как русскую и не изучавшую украинского языка».

Семейные воспоминания сохранились о тех годах. Моя мама, крестьянка Прасковья Ивановна, училась в сельской школе «по-украински». На девятом десятке лет пересказывала стихи и поэмы Тараса Шевченко. Дядя Андрей Тихонович был моложе. Он сберег украинско-русское «Свидетельство о рождении», в котором записано появление на свет 12 червня (июня) 1927 рика Андрия, сына Тишка (Тихона) Егоровича и Веклы (Феклы) Тимохвійивни. Учился уже в той же школе «по-русски». Тоже до глубокой старости любил в застолье по памяти читать стихи и поэмы Николая Некрасова, Александра Пушкина.

На литературной ниве Николай Алексеевич поддерживал талантливого прозаика и организатора Мьколу Хвылевого (Николая Григорьевича Фитилева). Писатель равнялся на европейские культурные ценности с лозунгом «Геть від Москвы!» Кстати, позицию литератора так оценил Сталин в вышеупомянутом письме «Тов. Кагановичу...»: «... Я имею в виду такой всем известный факт, как статью известного коммуниста Хвылевого в украинской прессе. Требования Хвылевого по «неотложной дерусификации пролетариата» в Украине, его мысль о том, что «от русской литературы, от ее стилей украинская поэзия должна как можно быстрее бежать», его заявление о том, что «идеи пролетариата нам известны и без московского искусства», его восхищение какой-то мессианской ролью украинской «молодой» интеллигенции, его смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики — все это и многое другое в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать) более чем странно. Только в борьбе с такими крайностями можно превратить возрожденную украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность советскую».

Так что — в той литературной «буче боевой, кипучей» безобидные творческие группы — «ланки-марсы...» — не могли оставаться вне политики. Политично оппозиционны они были и остаются во все времена. Точно написал об этом в 1930 году прекрасный поэт Владимир Сосюра. Этот отрывок из стихотворения «Два Володьки» понятен без перевода, пояснения требует лишь слова: «хист» — талант, дар; «хвилины» — минуты; «роки» — годы.

Довго, довго я був із собою в бою...
Обсипалось і знов зеленіло в гаю,
пролітали хвилини, як роки...
Рвали душу мою
два Володьки в бою,
і обидва, як я, кароокі,
І в обох ще незнаний, невиданий хист, —
рвали душу мою
комунар
і
націоналіст.

Есть в этом же стихе и такие строки: «Сколько раз я хотел... взявши маузер темный в руки, — ...поставить себя к стенке». Поэтическая исповедь стала трагическим фактом. В 1933 году 13 мая револьверным выстрелом покончил с собой Хвылевой. А 7 июля в своем служебном кабинете застрелился Скрыпник. В заявлении КП(б)У говорилось:

«...тов. Николай Алексеевич Скрыпник, будучи старым революционером и большевиком, имевшим большие заслуги перед революцией и рабочим классом, совершил акт малодушия, недостойный всякого коммуниста и тем более члена ЦК. Причиной этого недопустимого акта является то, что за последние годы

тов. Скрышник, запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и не имея больше сил выбраться из этой паутины, стал жертвой этих контрреволюционных элементов и пошел на самоубийство».

Николая Алексеевича проводили в последний путь с должными почестями. Его именем назвали улицу. Позже был установлен памятник.

Схоже, как и Владимир Сосюра — можно сказать, земляк, сын Донбасса — рвал себе душу и сердце Евген Плужник.

Ой, упали ж та впали криваві роси
На тихенькі-тихі поля...
Мій народі!

Темний і босий!
Хай святиться твоє ім'я!
Хай розквітнуть нові жита
Пишним цвітом нової слави!
Гей, ти, муко моя свята,
Часе кривавий!
Убієнним синам твоїм
І всім тим,
Що будуть забиті,
Щоб повстали в безсмертнім міті,
Всім
Ім —
Осанна!

ДЕЛО 1255. ТОМ 6.

По обвинению Плужника Евгения Павловича...

Из протоколов допросов Е.П. Плужника

Начато 07.12.1934 года.

Уполномоченный Секретного Политического Отдела УГБ НКВД УССР (Михаил Израилевич) Хайет.

От 9 декабря 1934 года.

— (Плужник Евгений Павлович), когда Вы в последний раз были в Харькове?
— Возвращаясь из Крыма, я числа 16 и 17 ноября 1934 года был в Харькове по своим делам к издательствам, с целью выяснения своего счета в издательствах.

(— С кем Вы встречались?)

— ... Кроме них (семья Бажана) я виделся с писателями Пидмогильным и Ковтуном. На улице видел Кулиша, но с ним мы ни о чем не говорили. У писателя Вражливого я ночевал. Больше никого я за эти дни в Харькове не видел.

Добавляю, что у Вражливого на квартире несколько минут видел писателя Юрия Смолича.

Рядом с Плужником:

Бажан Микола Платонович — украинский советский поэт. Родился в 1904 году в городе Каменец-Подольский, ныне Хмельницкой области. Первое стихотворение было опубликовано в «Октябрьском сборнике панфутуристов» в 1923 году в Киеве. Первая книга «Семнадцатый патруль» посвящена героине Гражданской войны (Харьков, 1926). Автор поэм «Слепцы», «Бессмертие» (О Кирове), «Данила Галицкий», книг «Сталинградская тетрадь», «У Спасской башни» и других.

Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Сталинской (1946, 1949) и

Ленинской премий (1982), Государственной премии УССР имени Т.Г. Шевченко (1962). Умер в Киеве в 1983 году.

Пидмогильный Валерьян Петрович — прозаик, создавал в Киеве литературные объединения «Ланка», а затем «Марс». Родился в селе Чапли под Екатеринославом (ныне Днепропетровск) в 1901 году. Из семьи служащих в экономике князя Воронцова-Дашкова. После реального училища учился в Екатеринославском университете на математическом и юридическом факультетах. Но закончить его не удалось из-за материальных трудностей. Учительствовал, работал в издательствах Киева, Харькова. Автор сборников рассказов и повестей. В романе «Город» рассказал о стремлении сельской молодежи «выйти в городские люди». Переводил с французского книги Бальзака, Гюго, Доде, Мопассана, Мериме и других авторов. Был арестован 8 декабря 1934 года в Занковском доме творчества и осужден за принадлежность к «группе писателей-националистов с террористическими настроениями в отношении вождей партии». Отбывал срок на Соловках. Расстрелян 3 ноября 1937 года. Реабилитирован посмертно.

Ковтун Иван Дмитриевич (Юрий Вухналь) — писатель-юморист и сатирик. Родился в 1906 году в селе Чернобаевка Изюмского уезда Харьковской губернии. Из крестьянской семьи. Учился в Харьковском институте народного просвещения. Работал в редакциях газеты «Комсомолец Украины» и журнала «Червоний перець». Его называли «комсомольский Остап Вишня». Автор многих книг рассказов и повестей. В 1936 году был арестован и обвинен «за участие в украинской национально-террористической организации, которая готовила покушения на руководителей партии и власти». Расстрелян в 1937 году. Посмертно реабилитирован.

Кулиш Микола Гуриевич — драматург. Родился в 1892 году в селе Чаплинка на Херсонщине. Из бедной крестьянской семьи. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Возглавлял редакцию газеты, уездный, а затем Одесский губернский отдел народного образования. Составил украинский букварь «Первинка» и книгу для чтения в начальной школе. Первая пьеса «97» была принята к постановке в театрах столичного Харькова, куда и пригласили автора на жительство. Возглавлял Вольную академию Пролетарской литературы, редактировал ее издания. Тесно сотрудничал с Миколой Хвильевым, режиссером-новатором Лесем Курбасом. На сценах шли его пьесы «Зона», «Народный Малахий», «Мина Мазайло» и другие. На рубеже тридцатых годов критика назвала его творчество «насквозь националистическим, враждебным всему русскому». В 1935 году Кулиша обвинили за принадлежность к террористической организации, связанной с нелегальной Организацией Украинских Националистов. Десятилетний срок лишения свободы отбывал на Соловках. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован посмертно.

Вражливый Василь (Штанько Василий Яковлевич) — украинский советский писатель. Родился в 1903 году в селе Опощня Зиньковского уезда Полтавской губернии. Из многодетной крестьянской семьи. Окончил Полтавскую гимназию, учился в агрономической школе. Как прозаик печататься начал с 1923 года. Автор многих книг. Писал о социалистическом строительстве, о новостройках первых пятилеток. Переводил французских классиков. Щедрый душой, готовый помочь каждому. Его квартира в Харькове, по свидетельству друзей, была домашним клубом и гостиницей. В декабре 1934 был арестован. На допросе заявил: «Я был просто националистом. Воспитанник Хвильевого, находился под его влиянием». Отбывал срок на Соловках. В 1937 году расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Смолич Юрий Корнеевич — украинский писатель, драматург, публицист. Родился в 1900 году в Умани Киевской губернии. Из учительской семьи. Учился в Киевском коммерческом институте. В печати выступил в 1922 году как театраль-

ный критик. Один из создателей приключенческого и научно-фантастического жанра в украинской литературе. Редактировал журналы «Сельский театр», «Червоний шлях», «Украина» и другие. Автор многих книг, известна его трилогия воспоминаний «Рассказ о непокое...». Общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1970). Умер в Киеве в 1976 году.

От 11 декабря 1934 года.

— (Евгений Павлович), Каковы Ваши политические убеждения?

— К сознательному возрасту к 18 годам под влиянием воспитания семьи и среды, в которых я находился, у меня были буржуазно-демократические убеждения по всем вопросам.

Затем у меня начинается заострение националистических настроений, больше всего под влиянием семьи и среды.

Вращаясь среди товарищей своих — Антоненко-Давыдовича, Пидмогильного, Косынки и Осьмачки, а также Черняховского, Ивченко и неоклассиков, я стал убежденным украинским националистом.

...Последовавшее самоубийство Скрыпника еще более обострило мое отношение к Советской власти.

— Вы все время оставались убежденным украинским националистом?

— Нет. Один период, с 1926 по 1930 годы, когда я был болен, Советская власть через свои органы проявила ко мне исключительную заботливость, что заставило меня пересмотреть не только мое личное к ней отношение и ее ко мне, а ближе ознакомиться с ее принципами. Это привело к моему первому мировоззренческому кризису, и я приходил к мысли, что в рамках Советского государства украинская литература и культура может развиваться.

Однако я считал и понимал под советскими формами развития украинской культуры те национальные формы, которые направляла политика Скрыпника.

Это окружение превращало меня в человека антисоветски настроенного, украинского националиста.

Рядом с Плужником.

Антоненко-Давыдович Борис Дмитриевич — украинский советский писатель, исследователь проблем развития украинского языка. Родился в 1899 году в городе Ромны, ныне Сумской области. Из семьи железнодорожника. Детство прошло в Брянске. Учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. Заведовал Ахтырским уездным отделом народного образования. На литературных хлебах с 1924 года. Автор повести «Смерть» (1928), сборника «Землей украинской» (1930). Критика обвинила его в «неприкрытом зоологическом национализме». Антоненко-Давыдович уехал в Алма-Ату, где работал редактором в государственном издательстве. В январе 1935 года был арестован и отправлен в Киев. Здесь его обвинили в «принадлежности к контрреволюционной организации, стремившейся свергнуть Советскую власть». Десять лет отбывал в сибирских исправительно-трудовых лагерях. До 1957 года находился в ссылке в селе Малоросейка Красноярского края. Вернулся в Киев. Издал роман «За ширмой», книгу «Как мы говорим» (1970), сборник «Сибирские новеллы» (1989). Умер в 1984 году. Посмертно награжден литературной Национальной премией Украины имени Тараса Шевченко (1992).

Косынка Григорий Михайлович (настоящая фамилия — Стрелец) — украинский советский писатель. Родился в 1899 году в селе Щербанівка Обуховского уезда Киевской губернии. Из многодетной крестьянской семьи. Выезжали на Дальний Восток, но не прижились там. Отец со старшим сыном уходили в Киев на заработки — Григорий чистил башмаки господам и сумел окончить вечерние гимназиче-

ские курсы. В 1920 году поступил в Киевский институт народного образования, закончил только три курса. Ушел в литературу. Автор новелл о Гражданской войне, творчески родственных «Слову о полку Игореве», а также повестей «Политика», «Сердце», «Гармония». Арестован 4 ноября 1934 года по обвинению в подготовке покушения на руководителей партии и власти. 15 декабря его судили вместе с писателями Костей Буревием, Антоном и Иваном Крушельницкими, Дмитрием Фальковским, Олесем Влизько. В постановлении Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР записано: «При задержании у большинства изъяты револьверы и ручные гранаты». Григорий Косынка-Стрелец был приговорен к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Осьмачка Теодосий (Феодосий) Степанович — украинский писатель, поэт, переводчик. Родился в 1895 году в селе Куцивка на Черкащине. Из крестьянской семьи. Родители смогли дать старшему сыну среднее образование. В 20-х годах учился в Киевском институте народного образования. Активно участвует в литературной жизни — в группе «Ланка», близкий друг Григория Косынки. Автор стихотворных сборников «Круча» (1922), «Скифские огни» (1925), поэмы «Поэт» (1947), книги «Ротонда душегубцев» (1956) и других. Переводил Оскара Уайльда и Вильяма Шекспира. В дни ареста друзей пытался бежать в Польшу, но был арестован. По дороге снова бежал, вновь неудачно. Попал в тюрьму. Там сказался душевнобольным, и его перевели в психиатрическую больницу. В годы фашистской оккупации уехал во Львов, а затем в Германию и США. Умер в 1962 году в Нью-Йорке.

Черняховский Александр Григорьевич — украинский советский хирург, переводчик. Родился в 1869 году в селе Мазепенцы Васильковского уезда Киевской губернии. Из семьи священника. Окончил медицинский факультет Киевского университета. Участник Первой мировой войны как военврач. Профессор Киевского университета. Переводил на украинский язык Генриха Гейне, Фридриха Шиллера, Фридриха Энгельса. Соавтор «Русско-украинского медицинского словаря». В 1929 году был арестован по «делу СВУ» — Союза освобождения Украины. Вместе с семьей был сослан на пять лет в Сталино (ныне Донецк), где заведовал кафедрой в медицинском институте. В 1934 году возвратился в Киев. Работал в Институте клинической физиологии Всеукраинской Академии наук. Жена — литератор Людмила Черняховская-Старицкая. Александр Григорьевич умер в 1939 году.

Ивченко Михайло Евдокимович — украинский писатель. Родился в 1890 году в селе Никоновка Прилуцкого уезда Полтавской губернии. Из крестьянской семьи. Выпускник учительской школы. За распространение нелегальной литературы попал под надзор полиции. В 1907 году выехал на Кавказ, работал в газете. По возвращении на Украину экстерном окончил Московскую земледельческую школу. Участник Первой мировой войны. В начале 20-х годов редактировал сельскохозяйственные журналы в Харькове. Автор книг прозы «Шумы весенние» (1919), «Туманной рекой» (1926), «Рабочие силы» (1929), «В солнечном круге» (1929). В 1929 году был арестован по «делу СВУ» — Союза освобождения Украины. На следствии заявил, что «выражал антисоветские идеи». Осужден условно сроком на три года. В 1934 году уехал в Москву, а затем на Кавказ. Во Владикавказе работал агрономом-экономистом, преподавал в сельскохозяйственном институте. Умер от сибирской язвы в 1939 году.

От 13 декабря 1934 г.

— Вы принадлежали к контрреволюционной организации?

— Я считал и считаю, что принадлежал к группе писателей, объединенных общностью антисоветских взглядов. И только в последний период времени с лета 1934 года группа, с которой я был связан, стала на путь контрреволюционной деятельности.

— Кто входил в Вашу контрреволюционную группу?

— Из личных бесед с Косынкой, Пидмогильным, Антоненко-Давыдовичем, Полищуком Валерьяном, Юрием Яновским, Вражливым, Эпиком я устанавливаю их принадлежность к контрреволюционной работе.

— Какие (в доме отдыха писателей в Межигорье) у вас с Пидмогильным были разговоры?

— ...Пидмогильный считал, что нужно совершить какое-то выступление, которое всколыхнуло бы массы, показав им, что есть еще люди, на которых можно всем антисоветски настроенным ориентироваться.

Из разговора с Юрием Яновским перед съездом писателей в гостинице:

— ...Для того, чтобы показать, что это не так (довольство Советской властью) — нужен какой-нибудь акт решительного порядка. На мой вопрос — что это за акт? — Яновский ответил — что нужен выстрел, неважно в кого, где и когда. Нужен резонанс. Выстрел нужен в какого-нибудь крупного партийного работника Украины.

Из других бесед:

— ...Григорий Косынка говорил, что приближается время, и он готов уже собою пожертвовать. Это был сентябрь 1934 года.

— ...Я узнал, что Косынка должен был стрелять то ли в доме литературы, то ли используя момент демонстрации в октябрьские дни, и стрелять из колонны писателей по правительственной трибуне. По словам Григория Эпика, достать оружие для террористического акта нам не представляет затруднений.

Провал Косынки — исполнителя (намечаемого теракта), был для всей харьковской нашей группы большой неожиданностью и вызвал растерянность.

— Из Харькова куда Вы поехали?

— Из Харькова я поехал в Киев. 18 ноября 1934 года я был уже в Киеве. С 18 ноября я ни с кем из нашей группы не виделся ни разу до момента своего ареста 4 декабря ночью сего года.

Рядом с Плужником.

Полищук Валерьян Львович — украинский советский писатель, поэт. Родился в 1897 году в селе Бильче Дубенского уезда Волынской губернии. Из крестьянской семьи. Учился в Каменец-Подольском университете на историко-филологическом факультете. Работал в редакциях газет в Екатеринославле, Каменец-Подольске, Киеве, Харькове. Автор около пятидесяти книг — «Радио в житах» (1923), «Ленин» (1922), «Раскол Европы» (1925), «Пульс эпохи» (1927), «Григорий Сковорода» (1929) и других. Арестован в 1934 году за участие в антисоветской «боротьбистській» организации. Лишен свободы на 10 лет. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. Расстрелян на рубеже 1937–38 годов. Реабилитирован посмертно.

Эпик Григорий Данилович — украинский советский писатель, переводчик. Родился в 1901 году в селе Каменка Екатеринославской губернии. Из семьи рабочих. Работал в железнодорожных мастерских, в уездном исполкоме, редактором издательства «Красный путь» в Харькове. Автор романов «Без почвы», «Первая весна», «Петр Ромен», повести «Осенью». Он же написал сценарий для известного фильма «Трипольская трагедия» — о гибели комсомольского отряда особого назначения в гражданскую войну. 5 декабря 1934 года арестован. Осужден за принадлежность к контрреволюционной националистической организации. Наказание отбывал на Соловках. В начале 1935 года на пленуме правления Союза писателей Украины секретарь ЦК КП(б)У Павел Постышев зачитал письмо Эпика, в котором он раскаивался за преступное намерение группы. Расстрелян в 1937 году. Посмертно реабилитирован.

Яновский Юрий Иванович — украинский советский писатель. Родился в

1922 году в селе Майерово Херсонской губернии. Из крестьянской семьи. В 1922 году учился в Киевском политехническом институте, где подружился с будущим создателем космических ракет Сергеем Королевым. Яновский ушел в литературу. Вместе с Александром Довженко создавал украинское кино. Автор книг «Байгород» (1927), «Четыре сабли» (1930), «Всадники» (1935), «Земля отцов» (1944), «Письма из Нюрнберга» (1946). За книгу «Киевские рассказы» удостоен Сталинской премии (1949). Умер в 1954 году в Киеве. Его студенческий друг Сергей Королев, по свидетельству очевидцев, в дни запуска ракет в космос перечитывал роман «Всадники».

От 19 декабря 1934 года.

Речь о разговоре на квартире у Вражливого 15 ноября в Харькове.

— ...Вражливый был страшно ошеломлен, находился прямо в отчаянии, все время повторял, что будет с Гришей Косынкой, как он будет держать себя на допросах, будет ли он кого-нибудь выдавать, и вообще, что будет со всеми нами.

От 25 декабря 1934 года.

— В Киеве из Вашей группы к террору и к вопросам, связанным с ним, Вы имели отношение?

— Да, имел.

— Кого Вы лично знали из Киевской террористической группы?

— Лично я знал одного Григория Косынку-Стрельца. Следуя полученным мною указаниям, о которых я говорил в своих предыдущих показаниях, я поддерживал сам в Косынке решимость к активным действиям.

— Было ли вам известно о том, что Косынка должен был быть исполнителем террористического акта в Киеве?

— Да, это мне было известно. Более подробно я узнал в Харькове о том, что Косынка в октябрьские дни должен был выполнить теракт.

Протокол

очной ставки между арестованными Плужником Евгением и Эпиком Григорием, проведенный 3 февраля 1935 года сотрудниками СПО УГВ НКВД УССР т.т. Хаеом и Проскураковым.

Вопрос Плужнику: — Подтвердите ли Вы показания Эпика, сказанные сейчас?

Ответ: — Да, подтверждаю. Я действительно состоял в контрреволюционной организации и входил в состав Киевской террористической группы Косынки. Эпик об этом сейчас сказал правильно.

Вопрос: — Скажите, какие установки Вы слышали от Эпика о том, как надо держаться на допросах в случае ареста?

Ответ: — ...Эпик говорил, что в связи с арестами в Киеве, в частности, Косынки, не надо поддаваться панике, и в случае ареста, независимо от личного поведения, не выдавать никого из членов контрреволюционной организации.

Протокол

очной ставки между арестованными Полищуком Валерьяном и Плужником Евгением, проведенной 4 января 1935 года сотрудниками т.т. Хаеом и Проскураковым.

Вопрос Плужнику: — Знаете ли Вы Полищука Валерьяна как члена контрреволюционной организации и откуда Вам об этом известно?

Ответ: — Да, я знаю сидящего передо мною Полищука Валерьяна как члена

контрреволюционной организации, к которой я также принадлежал... Знаю об этом со слов Пидмогильного, из наших бесед.

Вопрос Полищуку: — Подтверждаете ли Вы показания Плужника о вашей принадлежности к контрреволюционной организации, о месте встреч и содержания бесед с ним?

Ответ: — Нет, не подтверждаю. Я к контрреволюционной организации не принадлежал.

...То, что говорил сейчас Плужник — это неправда.

Разговор о том, что Косынка арестован в Киеве был. То, что говорит Плужник о словах Эпика — я отрицаю.

Вопрос Плужнику: — Вы настаиваете на своих показаниях?

Ответ: — Да, настаиваю. То все, что я говорил о Полищуке сейчас в его присутствии, является абсолютно правдою и отвечает действительности.

Протокол

допроса обвиняемого Плужника Евгения Павловича,
произведенного военным прокурором Украинского Военного округа —
Перфильевым 19 января 1935 года. (Прокурором, наблюдающим
за следствием по делу — П.Ч.).

Вопрос: — Кого Вы знали из членов контрреволюционной организации?

Ответ: — Я знал Пидмогильного, Косынку, Вражливого, Эпика и Валерьяна Полищука.

Вопрос: — О терроре Вы когда слышали?

Ответ: — На протяжении 1934 года были встречи и разговоры, при которых говорилось о желательности такого действия, которое обратило бы на себя внимание общественности и вызвало бы резонанс. Говорилось, что нужен какой-нибудь выстрел.

Причем, в этом разрезе говорилось о подходящем лице, которое это должно сделать, а именно — о Косынке. Выбор пал на Косынку потому, что это был наиболее активный боевой и озлобленный на Советскую власть человек.

Вопрос: — У Вас с Эпиком были встречи, и о чем Вы с ним говорили?

Ответ: — ...что задача наша в случае возможного ареста кого-либо из нас — не выдавать на допросах никого, держаться крепко, не падать в панику.

Вопрос: — Вы ответьте прямее — как Вы относитесь к террору и что Вам об этом известно?

Ответ: — Я заявляю, что я принадлежал к контрреволюционной организации, куда входили националистически настроенные писатели, которые в 1934 году поставили перед собою задачу террористического выступления.

Вопрос: — Вы в партии были?

Ответ: — Нет, ни к какой партии я не принадлежал. Для меня сегодня, когда я все осознал, единственная цель в жизни — бороться с контрреволюцией.

Вопрос: — Есть ли у Вас какие-либо заявления, жалобы?

Ответ: — Жалоб, просьб и заявлений у меня нет к Вам никаких.

*Следователю НКВД
т. Хаету.*

Прошу Вас сейчас же передать прилагаемое при сем заявление прокурору НКВД т. Перфильеву.

*Евг. Плужник
19.1.35.*

19 января Вы вызывали меня для личного ознакомления с моим делом. В результате нашей беседы у меня создалось впечатление, Вам могло показаться, что я что-то скрываю, о чем-то умалчиваю, смазываю и т.п. Категорически заявляю, что такого желания и такой цели у меня не было, — об этом могут свидетельствовать мои показания следователям, в коих я совершенно искренне признал свою принадлежность к контрреволюционной организации, ставящей перед собой террористические задания, и принадлежал к Киевской группе Косынки. Моя принадлежность к контрреволюционной организации является следствием моих контрреволюционных убеждений.

Нелепость и нечеткость моих ответов Вам объясняется тем, что я недостаточно уяснял задаваемые Вами вопросы; если найдете возможным, прошу Вас вызвать меня, чтобы я мог лично подтвердить это свое заявление.

19.1.35 года.

**Из анкеты обвиняемого
(том 1, стр. 148)**

...18. Члены семьи (степень родства, место службы и должность или род занятий и адрес) — в графе перечисляются: отец, мать, сестры, братья, сыновья и дочери...

Плужник указал жену Галину, брата Ивана (учитель на Черниговщине), сестру Анну Павловну, по мужу Скороходько, приват-доцента ветеринарного института в Вологде.

**Из постановления
(о предъявлении обвинения)**

г. Киев, 7 декабря 1934 года.

...по обвинению в преступлении, предусмотренном статьями 54–8, 54–11.

...Плужник Евгений Павлович состоял членом украинской контрреволюционной организации, проводил активную контрреволюционную работу на нацкультурфронте, связан с практической деятельностью организации по подготовке террористических актов.

**Из обвинительного заключения
20 февраля 1935 года
(стр. 87)**

Обвиняемый виновным себя признал.

**Следственное дело №1255
(том 8, стр. 10)**

Постановление

Киев, 13 марта 1935 года.

Я, уполномоченный СПО УГБ НКВД УССР — Проскуряков, рассмотрел переписку, изъятую у гражданина Плужника Евгения Павловича, арестованного по обвинению в принадлежности к контрреволюционной боротьбистьській організації и участии в подготовке террористических актов.

Нашел:

Что возвращение переписки родственникам обвиняемого является нецелесообразным, а потому на основании вышеизложенного —

Постановил:

Отобранную при обыске у Плужника Евгения Павловича переписку конфисковать и уничтожить.

**Протокол
об окончании предварительного следствия**

25 марта 1935 года.

Обвиняемый Плужник заявил, что показания, данные им на следствии, он полностью подтверждает.

Больше ничем дополнить свои показания не может.

Выездная сессия военной комиссии Верховного суда СССР

Из приговора № 26

Председатель В.В. Ульрих

(стр. 95)

...без участия обвинения и защиты, в закрытом судебном заседании, 27–28 марта 1935 года в г. Киеве.

...12. Плужника Евгения Павловича, 1898 года рождения, уроженца Воронежской губернии, сына торговца, с незаконченным высшим образованием, литератора, беспартийного

...к лишению свободы сроком на 10 лет с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Заключение

(стр. 104)

12 мая 1956 года г. Москва.

...10. Плужника Евгения Павловича,...

...фальсификация дела в отношении Пидмогильного, Плужника, Эпика и Штангея.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 27–28 марта 1935 года отменить и дело на них прекратить за отсутствием состава преступления.

* * *

За что же талантливейший поэт попал в кровавые жернова? Не угодил вождам? От них он был на почтительном расстоянии — не ручкался и в президиумах рядом не сидел. А в его творчестве противогосударственную крамолу при всем желании не отыщешь и между строк.

Ответ, видимо, найдем в печальном марше:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Безболезненно не менялся и не меняется ни один строй в любой стране. Тридцатые годы оставались для укреплявшегося Советского Союза «минутами роковыми» жестокой, смертельной схватки за власть. Явные и тайные сторонники Троцкого еще грезили «мировой революцией», ради которой в ее костер, не задумываясь, бросили бы страну Советов. На пути встал «предавший революцию» Сталин, взявшийся со своими соратниками успешно строить социализм в отдельно взятом государстве. Тем и другим путали планы националисты, «давно и неисцельно возненавидевшие Москву», готовые «с упоением ринуться в Европу» в объятия хоть к самому черту, опираясь на конституционное право «самоопределения вплоть до отделения». Были и другие «боротьбисы» — среди военных, в

рядах чекистов. К власти все рвались со схожей целью: ради светлого будущего своему народу или всему человечеству, за которое каждый понимал, конечно, своею.

Гибель Кирова 1 декабря 1934 года стала не только искренней скорбью для миллионов людей, но и злорадством для многих. Они считали: прозвучал сигнал к выступлению против советского строя. «Сегодня убили Кирова, завтра убьют Сталина».

Вольно и невольно в схватку втягивалась немалая часть населения — от Москвы до хуторских окраин. И у панов, и у холопов не только чубы трещали — головы летели.

Ученый и философ Александр Леонидович Чижевский вывел «формулу» общественной атмосферы, складывающейся в переломные моменты в различных странах мира. Всеобщая подозрительность, аресты по вздорным обвинениям, превращение доброжелательных и уравновешенных людей в безумцев, выискивающих врагов у себя под кроватью, и в разъяренных палачей — такие явления характерны для периодов, когда общество оказывается в состоянии кризиса, войны, междоусобицы или в напряженном ожидании внешней агрессии или внутреннего переворота.

Евген Плужник, если судить по его стихам и прозе, не был ни сталинистом, ни троцкистом, ни националистом (как бы он ни говорил о себе на допросах). Жил в народе, творил для народа, до боли сердечной озабоченный его судьбой. Писал талантливо. И уже потому ему стоило завидовать. А зависть бывает всякая — добрая и подлая. В том неистовом урагане, по мнению кропотливо изучавшего архивы историка, «вошло в норму составление справок о настроениях в творческих коллективах, характеристик на деятелей культуры, что приводило зачастую к уничтожению «инакомыслящих» даже не по духу, а по навету. Разгул доносительства среди художественной интеллигенции достиг своего апогея».

Страдали без вины виноватые.

В «террористы» по обычному извету попал и Плужник.

Дела террористов в те дни мести за убийство Кирова обычно разбирались в течение недели и подлежали лишь суду Военной коллегии. Помилованию и обжалованию не подлежали. Приговор мог быть только один — расстрел, который приводился немедленно в исполнение. Хотя ты тут «пришей кобыле хвост», все одно — «чистосердечное признание» смягчало вину, даровало пусть тюремную, лагерную, но — жизнь с надеждой на лучшее. Вот показание известного украинского сатирика и юмориста.

«Я принадлежал к террористической организации, название которой не знаю. По заданию этой террористической организации я должен был убить Павла Петровича Постышева (секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии (большевиков) Украины — П.Ч.) во время его предстоящей аудиенции на встрече с украинскими писателями. Но так как аудиенция не состоялась, потому я его не убил.

Остап Вишня».

Покаяние не спасло. Десять долгих лет Остап Вишня, он же — Губенко Павел Михайлович, по его же словам: «Звезду своей судьбы видел через решетку».

Прозаик Борис Антоненко-Давидович оставил воспоминания об очной ставке на следствии по его схожему делу, в частности, с Евгеном Плужником. Поэт уже прошел сквозь муки ожидания смертной кары, которую ему заменили десятью годами ссылки.

«Евгений Павлович, — спрашивает следователь Михаил Хайет, — скажите, Антоненко-Давидович принадлежал к террористической организации или нет?» Тот так саркастически усмехнулся и ответил: «Ну, в такой же степени, как и я».

То есть: «Вам прекрасно известно, что я не был членом террористической организации, но вы хотели сделать и сделали, как будто я им был. То же самое вы можете сделать и с Антоненко-Давидовичем». Хайет рассердился: «Плужник, я спрашиваю: был ли Антоненко-Давидович членом террористической организации или нет?» Плужник: «Ну, я же сказал: в такой же степени, как и я». Хайет: «Плужник! Был или нет? Да или нет?..» — и грохнул кулаком. Плужник побледнел: «Да, принадлежал». Хайет суетливо: «Я сейчас занят, ставку потом продолжим...» И Плужника вывели... На этом все и закончилось».

Позже Антоненко-Давидовичу суд вынес наказание в десять лет заточения.

Стоит знать о Постышове Павле Петровиче, из-за которого расстреляли Григория Косынку, пострадал Остап Вишня. Постышев, возможно, подтолкнул к самоубийству Скрыпника, заявив на пленуме ЦК о том, что «враг пытается спрятаться за спину товарища наркома и в его трудах по национальному вопросу и культурному строительству, и в его практической работе по управлению системы просвещения».

Жизненный путь Павла Петровича поразительно схож со скрыпниковским. Сын иваново-вознесенского ткача в юности сам познал, как достается хлеб рабочему человеку на фабрике у капиталиста. Революционер-каторжник. Устанавливал советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Он мог открыто спорить со Сталиным. В то же время Троцкий считал его «одним из раболовных из всех лакеев» вождя. В 1923 году Постышева перевели в Киев, где он и вырос до руководителя Компартии Украины. Здесь он стал борцом с перегибами в украинизации. Ходил в украинской сорочке-вышиванке, интересовался историей и культурой. При его участии установлены памятники Тарасу Шевченко в Киеве и Харькове. Павел Петрович возвратил в Новый год праздничную елку, объявленную, было, старорежимным пережитком прошлого.

Жители Харькова вспоминали о Постышеве как очень доступном всем партийном секретаре высокого ранга. Часто встречался с рабочими, вникал в их житейские и бытовые проблемы. Не чурался заходить в квартиры горожан. Обедал в заводских столовых.

Когда Киев вновь стал столицей Украины, то в Харькове здание ЦК Компартии распоряжением Постышева передали детям и открыли первый в стране Дворец пионеров.

И в это же время — по обвинению в национализме и иных прегрешениях шла большая чистка партийных, советских рядов. Выносили смертные приговоры по инициативе Постышева. В феврале 1938 года сам Павел Петрович, уже в должности руководителя Куйбышевской парторганизации, «за преступно-легкомысленное отношение к судьбе членов партии» попал в «ежовы рукавицы» и был расстрелян.

* * *

Предзимье. 2013 год.

Взбаламученный многострадальный люд вновь на площадях Киева. Благодаря тележурналистам видим, как князья тьмы лепят «власть толпы». В круговерть митингующих веером ввинчиваются крепкие молодцы. Вырываются наперед, приплясывая по-бойцовски, по-боксерски напористо, точно, железными цепами и арматурными заточками наносят удары по каскам, проламывая головы стражам правопорядка, и тут же прикрываются «живым» щитом — женщинами, стариками. А когда все зреет, штурмовики, как по команде, исчезают.

Главное сделано — брат пошел в брата...

Стравливать нас умели и умеют во все времена.

После «высшего суда» Гале разрешают свидеться с Евгением.

— У него был взгляд совсем больного. Я кинулась целовать, а он голову отворачивает, чтобы в губы не целовала. Даже попытался обмануть: мол, вонючую рыбу давали ему, не успел прополоскать рот. Сердце у меня похолодело — туберкулезный процесс открылся! Мне стало страшно — в северной ссылке, на тяжелой работе и с плохими харчами он не выдержит.

Слезы душат. Чтобы не разреветься и его не расстроить, расспрашиваю: чего тебе хочется? Жена сказал, что съел бы кусочек красной рыбы. Где ее взять? За какие деньги? А ко мне домой уже приходил незнакомый человек с предложением о помощи. Вот он и принес пакет с дорогими кушаньями, сладостями, апельсинами, мандаринами. Что и требовалось больному. Так повторялось не раз. Не спрашивала — от кого гостинцы, люди тогда боялись знать лишнее. Когда ближе познакомились, разузнала, что все эти передачи шли от Максима Рыльского. Святая душа! Он помогал мне и позже. Однажды встретились с ним на улице. Был чуть выпивши, взял меня под руку, глаза полны слез. «Галю, скоро с ума сойду, не могу выносить такое. Мне хочется взять телефонную трубку и кричать по прямому проводу в Кремль: вы губите лучших, честнейших людей Украины! Лишайте ее жизни!» Он много говорил, так громко, нервно, что я постаралась увести его в глухой переулок, где меньше людей, где на нас не обращали внимания.

Когда теперь я слышу, как осуждают Рыльского за его стихи и орден, мне хочется сказать: не судите и не судимы будете.

Вчерашние соратники по литературному цеху, действительно, клеймили Максима Тадеевича — «Рыльский свою «непроданную жизнь» продал за кусок гнилой колбасы, чтобы из аполитичного «жреца чистого искусства» стать ультраполитичным жрецом и холуем красного императора...»

Об этом Галина Автономовна рассказывает в своих «Спогадах» позже-позже, когда из тех, о ком напишет, никого не будет в живых. Дабы не осложнять им жизнь — ведь учена горьким опытом с молодых лет.

А тогда радовался весне, цвел каштанами Киев, о каком ей Евгений говорил: «Боже, какой чудовый, какой прекрасный, как я его люблю!»

В этом признании нет ничего удивительного: ведь еще из воронежских лет вынесено о Киеве, как о древнерусском духовном центре, самое сильное впечатление — ведь в обычае были хождения жителей Придонья на поклонение святым мощам в Лавру. От той поры присловье — «язык до Киева доведет».

Его же, Плужника, язык вводил. От творческой наковальни, от рабочего стола, из семьи. Не дико ли: считанные дни оставались до переселения в новую квартиру, куда уже бегал прикидывать — разместится ли привычная старая мебель в его — трудно поверить после долгих скитаний по чужим углам — отдельном рабочем кабинете.

Арестантским этапом тридцать пятого года везли Плужника на север, к вечному покою. Путь тот уже был крепко натопан больше безвестными страдальцами. Впрочем, известными тоже. В ту же пору на лагерных нарах пересыльного Кемского пункта в невылечимых муках маялся именитый земляк, родом воронежский, старокалитвенский (где судьба сводила) — генерал Андрей Евгеньевич Снесарев. Тот самый, на чьих плечах в гражданскую лежала оборона Царицына, защита западных рубежей Советской республики, создание Академии Генерального штаба Красной Армии. Его плоды военного таланта спешно прибирали к рукам новоявленные полководцы. Сражаясь за власть друг с другом, торопились утвердить себя на кровавое царствие, калеча и растапывая судьбы народные.

В архиве УФСБ России по Воронежской области изучаю хранящееся в ИЦ при МВД по Республике Карелия в Петрозаводске «Личное дело заключенного Плужника Е.П.», в котором прочитывается печальная глава в жизни поэта-земляка.

«Дело» в обычной папке желтоватого картона.

Под обложкой десятка три документов.

Они позволяют узнать, как протекали последние месяцы жизни Евгена Павловича.

Из Киева его привезли эшеленом в Белбалтлаг НКВД на станцию Медвежья гора Кировской железной дороги — 28 марта 1935 года».

В этот день он отправил письмо жене.

«Галча мое!

Це не дрібничка, що пишу я тобі чорнилом, але разом з тим — це величезну має вагу: я хочу, щоб надовго, на все своє й моє життя, зберегла цей лист — найрадісніший, вір мені, з усіх листів, що я коли-небудь писав тобі. Галю, ти ж знаєш, як рідко я радів і як багато треба для того, і от тепер, коли я пишу тобі, що сповню мені груди почуття радості — так це значить, що сталося в моїм житті те, чому й ти разом зо мною — я знаю — радітимеш. У мене мало зараз потрібних слів — мені б тільки хотілося пригорнути тебе так міцно, щоб відчула ти всім еством твоїм, що пригортає тебе чоловік, у якого буває життєва сила і в м'язах, і в серці, і в думках. Я пишу тобі, а надворі, за вікном, сонце — і мені, їй-богу, так важко стримати себе, щоб не скрикнути: яке хороше життя, яке прекрасне майбутнє в людини, що на це майбутнє має право! Я цілую тебе, рідна моя, і прошу: запам'ятай дату цього листа, як дату найкращого з моїх днів.

28.03.35

Твій Євген».

На Соловки, в лагерь, попал 15 июня 1935 года.

На вопросы учетно-статистической карточки отвечал так:

«Плужник Евгений Павлович. 1898 года рождения, слобода Кантемировка ЦЧО (Тогдашняя Центрально-Черноземная область — П.Ч.). Сын торговца. Служащий. Украинец. Подданство СССР. Беспартийный. Образование высшее неоконченное, театральный институт. Специальность — писатель. Кроме родного, владеет и пишет на русском языке.

В старой, белой, красной армиях не служил. В следственных органах, судебных, ГПУ и дознания не служил. Арестован НКВД города Киев 5.12.34 года. В прошлом судимости нет. В лагере первый раз.

Семейное положение — женат, жена — Галина Автономовна Коваленко, проживал в г.Киев, Михайловский переулок, дом 36, кв. 42.

Работал до ареста в издательстве «Час» секретарем с 1929 по 1930.

Особые приметы: рост выше среднего. Телосложение плотное, волосы темно-русые, глаза карие, нос прямой. Из прочих — родинка над левой ключицей».

23 июля он оказался на острове Анзер. Есть записка охранника. Он предлагает «изолировать Плужника от Вражливово-Штанько Василия Яковлевича, 1903, уроженца УССР, сына кулака, с высшим образованием, литератора, беспартийного. А также от Эпика Григория Даниловича, бывшего участника петлюровской банды, исключенного из КПБУ за национализм».

Как утверждают: «С острова Анзер никто не возвращался». Но Плужника 4 октября вернули на главный остров архипелага в Соловецкий Кремль. В лазарет.

Везде на него в формулярах заполняли биографические сведения. Он только подписывался полным именем, четко, не росписью — «Плужник Евгений Павлович». Ответы схожие: сын торговца, писатель-поэт. Он — автор книг стихотворных «Дни», «Ранняя осень», «Равновесие», романа «Недуг» и нескольких драматических произведений, киносценариев. Имел неоконченное высшее театральное образование, работал секретарем в издательствах «Время» (1928–29), «Час», Киев.

Есть карточки с «Рабочими сведениями». Вот одна из них. «Трудколония Анзер. Личное дело П–18165. Категория трудоспособности 3. Отделение 8. Специальность — писатель. Постановлением ПВТК Отделения установлена пониженная норма выработки».

На Анзере — «с/х рабочий».

В сентябре, к примеру, проработал сельскохозяйственным рабочим, вел уход за служебными помещениями, был сторожем. Итого — проработал 18 дней, отдыхал 3 дня, болел 9 дней.

Отмечался диагноз болезни. «Туберкулез легких и гортани. Инвалид, не может работать».

Есть «Акт» о кончине.

«Составлен 1935 года января 31 дня. Отдел. ББЛАГ 1 пункт Кремль. Мы, нижеподписавшиеся заведующий лазаретом — на пункте Кремль врач Титов Л.Т., палатный ординатор Тюрк Г.А. и дежурный по палате Гарбуз составили настоящий акт в том, что сего числа января месяца 1936 года в 12 часов и 15 минут умер находившийся на излечении в упомянутом уже лазарете заключенный Плужник Евгений Павлович, поступивший на излечение 4 октября 1935 года.

Заключенный Плужник имел 37 лет от роду, женат. Прибыл в ББЛАГ 15 июня 1935 года, как осужденный В/с В.к. Верхсуда СССР по 54 8–11 ст. УК 10 лет.

Место рождения — слобода Кантемировка Ц.Ч.О.

Семья его находится — Киев Михайловский пер. 36, к 42.

При наружном осмотре трупа умершего найдены следующие приметы:

Рост в/среднего, цвет глаз карий, цвет волос на голове темно-русый.

Смерть последовала от туберкулеза легких.

Бывшие при Плужнике вещи, при поступлении в лазарет взяты на хранение в кладовую по квитанции № 711 (или 791) от 4.10.1935 г.

Настоящий акт составлен в 3 экз.

Три подписи...»

В деле сохранена телеграмма жены. Ей, видимо, отправили один экземпляр «акта». Еще один, как следует из приложенной записки, отправлен в Тулу, кому — не указано. Можем лишь предположить — брату Ивану Павловичу Плужнику.

Фотографии Евгена Плужника в деле нет. Есть только отпечаток большого пальца правой руки.

СВЕЧА НЕУГАСИМАЯ

*Из хроники возвращения творческого наследия Евгена Плужника
в нашу память, в культуру России и Украины*

Если отсчитывать начало творческой деятельности Евгена Павловича Плужника с первой публикации стихов в киевском журнале «Глобус» в 1923 году, если принять во внимание то обстоятельство, что в 1934 году он был незаконно осужден, — выходит: без малого двенадцать лет выпало ему на долю при жизни быть поэтом. А затем — ни памяти, ни славы, только «темная вода» Белого моря вок-

руг превращенного в тюрьму Соловецкого монастыря, позабытого островного кладбища. Страницы избранной лирики выйдут в Киеве в 1966 году. Плужник вновь начнет обретать своего читателя. А на родине в Кантемировке о нем узнают только в девяностые годы.

Когда в Воронеже в 1992 году впервые на русском языке будет издана книга стихов «Ранняя осень», придет отклик с берегов Днепра.

«2 квітня 1993 года.

...Непередаваемо тронут подарком — сборником видного нашего поэта Евгена Плужника, какой впервые зазвучал словом братского русского народа! Выход этой книги именно сейчас, когда агрессивно коммерциализируется духовная сфера, когда бумага скупается спекулянтами, когда ее не хватает даже на учебники, — это настоящий подвиг!

Если же взять во внимание то, что некие темные силы пытаются посеять рознь между россиянами и украинцами, то этой книге вообще нет цены. Поскольку она олицетворяет неспалимый мост между нашими народами, и, как ласточка, знаменует: настает пора возрождения наших вековых братских связей.

Наш Украинской фонд культуры всегда стоял и будет стоять на том, что попытка строить суверенитет на хуторе — пустое и неблагодарное дело. Поскольку духовный простор — неделимый. Уверяю Вас, что во всех благородных делах на ниве братства Вы найдете всяческую поддержку и мою собственно, и нашего Фонда!..

По-братски от сердца —

Борис Олейник».

«20 апреля 1993 года.

Дорогой Борис Ильич!

Очень признателен Вам за добрые слова о нашем воронежском сборничке Евгена Плужника.

Как в России, так, наверное, и на Украине сейчас, конечно, не до стихов, даже самых гениальных. И язык просто не поднимается корить за то людей, которых стремятся оглупить, оскотинить залловыми выбросами бесовского читива... Тешит же себя тем, что опьянение вседозволенностью без стыда и совести пройдет само собой, пресытившийся возвратится к Пушкину — бесполезно, по-моему. Нужно бороться за читателя как человека.

У людей глубинки, скажем, еще не вытравлен окончательно интерес к собственной истории, к местному отчизноведению. Потому — предложение Вашему Фонду культуры: возобновить в Луганске памятные дни Владимира Даля, какие проводились раньше с участием и воронежцев. В нашей сторонке будет повод вспомнить Плужника и открыть для начала хотя бы посвященную ему мемориальную доску в Кантемировке. А дальше — заслуживают внимания темы: Гаршин в Старобельске, Иван Приблудный в Новоайдаре, Николай Костомаров в Юрасовке, Григорий Сковорода на Слобожанщине... А еще Кольцов с Никитиным и Шевченко. Наконец-таки, «Слово о полку Игореве!»

Это видимый пласт, а сколько еще неизвестного.

К литературным встречам-беседам будут и концерты-фестивали в самый раз. У нас есть прекрасные самодеятельные музыканты и певцы, хранители украинской и русской народной песни. Есть даже драмкружки в селах, где Квитку-Основьяненко ставят, его — «Сватання на Гончарівці». Вот он — неделимый духовный простор.

...Пишу, а со стены молотит радиодрыгалка, а за стеной телезящик гундошит голосами хорошо знакомых Вам «терминаторов», разрушающих Отече-

ство, народную культуру. Куда тягаться с нашестивем Змей-Горынычей? А с книжной полки укоризненно глядят Костомаров и Плужник.

С донского берега кланяюсь Днепру, Киеву —

Петр Чалый».

* * *

Осень в Киеве, 2005 год. В Украинском фонде культуры прошла премьера книги Евгена Плужника «Родюча земля». Одномомник поэзии и прозы уроженца Воронежского края, замечательного украинского писателя был издан в Воронеже в «Библиотеке областной газеты «Коммуна». В сборнике впервые на русском языке широко представлено его творчество — стихи, поэмы «Галилей» и «Канев», роман «Недуг» — в переводах Виктора Беликова, Виктора Будакова, Юрия Кузнецова, Евгения Новичихина, Светланы Соложенкиной, Михаила Тимошечкина и Петра Чалого.

В большом зале старинного особняка под высокими липами на Липській улице, где расположен Фонд, собрались прозаики, поэты и драматурги, музыканты и художники, артисты и кинематографисты, журналисты и просто читатели. Евгений Плужник любим в Украине.

Вел литературный вечер известный поэт Михайло Шевченко. Представил книгу «Родюча земля» ее составитель и один из переводчиков — автор этих строк. Выступили — биограф Плужника Леонид Череватенко, поэт, кстати, выпускник Воронежского педагогического института; Владимир Черепков, уроженец воронежского села Караягич Олховатского района; заместитель редактора газеты «Молодь України» Юрий Брязгунов; глава комитета по культуре Верховной Рады Украины Лесь Танюк; доктор исторических наук, профессор Национальной академии наук Украины Юрий Пинчук; писатель и кинодраматург Николай Шудря; поэт и организатор фестивалей русской поэзии Украины Юрий Каплан.

Речь шла, прежде всего, о бережном отношении к нашему культурному наследию, которое объединяет славянские народы.

Леонид Череватенко: «Евген Плужник — один из великих украинских поэтов XX столетия. Давно и надежно он «вписался» в мировую поэзию. И это — при немногочисленных переводах на другие языки, это — при малом количестве, при небольших тиражах его украиноязычных изданий.

Плужник — реалист врожденный. Редкостное явление. Жестокая эпоха запечатлелась жестокими деталями в его творчестве. В этой «документальности» — загадка его поэзии, тайна и «неотменимость». Поэт-интеллектуал с высоко напряженным станом души и в то же время — самый земной. Совершенство простоты — вот главное достоинство его стихов.

Мыслитель, поэт, прозаик, драматург, Плужник принадлежит к писателям, которых не просто читают, а и перечитывают неоднократно».

Участники литературного вечера отметили достоинства книги. Настоящая поэзия по-настоящему звучит на родном языке. Как кровный русскому, украинский язык доступен для понимания. «Хорошо, что часть стихов печатается на украинском и в переводах. Причем, не в единичном, а в параллельных переложениях. Ведь всякий перевод, по сути, есть «своя новая песня» на стихи автора — Евгена Плужника». «Переводы достойны похвалы». «Честно сказана горькая правда о трагической судьбе поэта. Высвечены обстоятельнее воронежские годы в его биографии». «С хорошим художественным вкусом подобраны цветные снимки на обложке. Спелое пшеничное поле, цветущий подсолнух, колючие шары синеголовника на родной Слобожанщине и стародавний Соловецкий кремль на студеной земле вынесены напоказ не просто для красоты. Это светлые и мрачные символы судьбы поэта». «Издание книги — большое событие в литературной, культурной жизни Украины и России».

Правдивость, простота и краткость — сестры его лирического дара. Боль бра-тоубийственной войны смог выразить в стихах так, как в прозе Михаил Шолохов. То было не только воспоминание о пережитом, скорее всего — предчувствие и предостережение, обращение к миру человеческому: не забывайте прошлое, чтобы вновь и вновь не наступать на те же окровавленные грабли!

На встрече в Кантемировке читали стихи Евгена Плужника на украинском, в переводах — на русском языках.

Участники читательской конференции еще и еще раз убедились и утвердились, что и для нас, «потомков непредвзятых», стихи великого поэта важны исторической правдивостью «картины» жестокой эпохи. Главное — они и сегодня, сейчас противостоят разъединению духовного союза славян, вселяют веру и надежду в солнечное завтра.

* * *

Знают теперь о Плужнике и на его «малой родине», в России.

Вот сегодняшний взгляд на творчество поэта, писателя, драматурга.

«...Вспоминаю, чем явилась — небольшим тиражом на украинском языке изданная — книга Евгена Плужника лично для меня. Должна сказать, что украинского языка я тогда не знала, но — случилось чудо, иначе не назовешь! Эмоциональная яркость стихов, их захватывающая музыкальность оказались таковы, что произошло понимание поэта как бы «поверх текста». Не удивляйтесь, — такое бывает! Более того, я тут же, что называется, «с листа» перевела несколько стихотворений. Именно этот факт побудил меня взяться за изучение украинского языка, — с тех пор, благодаря Плужнику, я читаю украинскую поэзию только в оригинале и перевожу то, что западает в душу».

Светлана Соложенкина, поэтесса.

Москва.

Воронежский сборник «Родюча земля» успел увидеть, поддержать в руках большой русский поэт Юрий Кузнецов, до горького рано закончивший свой земной путь. Он охотно согласился, чтобы его переводы вошли в книгу. Юрий Поликарпович поддержал идею: печатать стихи на украинском вместе разными вариантами переложил одного и того же стихотворения, «это обогатит понимание поэзии Плужника».

Кузнецов удивился, когда услышал, что Евген Плужник и высоко ценимый им поэт-современник Алексей Прасолов (1930–1972), оказывается, близкие земляки. Родимое прасоловское село Ивановка входило в Кантемировский район.

О стихах Плужника Кузнецов высказался кратко: «классическая лирика, сильна мыслью и поэтической образностью». На просьбу написать хотя бы краткий отзыв-оценку, ответил, что очень занят работой над поэмами о Христе. «Не смогу переключиться. Надо ведь перечитать стихи в подлиннике, подумать. А я сейчас просто физически не в силах это сделать».

Так сложилось, что по выходу из печати книгу Кузнецову не удалось вручить. Поездка в Москву откладывалась. Позже отправили пакетом. А вскоре почтальон принесла не ответ, а газету «Российский писатель» с портретом поэта в траурной рамке...

Россошь — Москва.

Киевлянин Леонид Череватенко учился в Москве на Высших сценарных кинематографических курсах. В письме он вспоминал: «Я знал Юрия Кузнецова лично. В общежитии на Добролюбова наши комнаты были рядом. Не буду хвалиться близким

знакомством с Юрием Поликарповичем: этого не было, были короткие разговоры на кухне да в коридоре. Из комнаты выходил редко. Поэт от Бога. Интересно, что он говорил мне и о Плужнике. Переводы Кузнецова превосходны, особенно — «Дикий сон мне каждой ночью снится: Я — скрипач в пивнушке «Моя мама»... К слову, эта пивнушка, про какую писал Евгений Павлович, недавно перестала существовать. Помещение передали в аренду итальянцам, и они перестроили все на свой лад и вкус».

Буча, Киевская область, 21.1.2004.

«Как любой большой поэт, Евгений Плужник не мог пройти мимо трагической стороны революционных преобразований. Вот почему так больно отзывается в его строках горькая правда жизни того времени.»

Поэт вновь и вновь возвращается к образу заброшенного поля, а через него — к образу погубленной человеческой души. Язык, мысли, образы его стихотворений глубоко народны. Эта кровная связь со своими корнями, с судьбой простого человека роднит поэзию Плужника с великими творениями Шевченко. В реальности, простоте и трагичности стихотворений чувствуется и влияние прогрессивной русской литературы.»

Поэзия Плужника очень эмоциональна. Ритмико-интонационное движение его строк всегда находится в глубоком единстве с содержанием. Как и Шевченко, он был поэтом-новатором, творчески переосмыслившим поэтическое богатство минувших лет и во многом определявшим дальнейшие пути развития украинской и мировой поэзии.»

Поэт напоминает людям о вечном, о долге перед жизнью, перед детьми, перед самим собой, перед прошлым и будущим: растить хлеб, воспитывать детей, везде и во всем творить добро...»

*Евгений Новичихин, поэт.
Воронеж.*

«О роковых минутах своего века сказал Евгений Плужник — честно, трагедийно резко, прерывающимся и обрывающимся ритмом и словом, — о погибших на ржаном, от крови ржавом поле, о долгой ниве, всходящей живыми колосьями и укрывающей черепа убитых («а кто виноватый, а кто из них правый?»), о мрачном безгодье, когда «воронье, потеряв покой, выпивало свет из очей», о размежеванном, раздробленном, поделенном на два цвета многоцветном мире — жестоком и прекрасном родном мире.»

Поразительна баллада «Потомлені коні»! Поэт добавляет еще один резкий, трагедийной окраски штрих в тему мировой классики о поводьях и вedomых. Едва не на всех языках сказано об этом, но все остается, как и тысячу лет назад...

Все повторяется: слепые поводьери, невесть куда ведущие слепых же, обреченных.

Но где же тогда свобода выбора? Сказал он: «Сейте новые хлеба, где в каждом колосе — боль моя!»

*Виктор Будаков, писатель.
Воронеж.*

«Евгением Плужником поэмы «Галилей» и «Канев» написаны почти одновременно. Уже поэтому в чем-то они перекликаются по мироощущению и как бы продолжают лирические стихи, хотя, на мой взгляд, решают разные задачи.»

Вторая половина двадцатых годов — это расцвет НЭПа и кризис революционной романтики, которой был охвачен Плужник, всем сердцем приняв революцию, поверив в ее очистительные силы. И вдруг — возврат рыночной стихии.»

Возрождением торгашества «маленький человек» унижен. Он растерян, растоптан державной поступью. Мечтал ведь о новой жизни — счастливой для всех, а не для избранных. Во имя ее переносил невзгоды, утраты. Поэт пытается переломить пасмурное настроение, «унылость» текущих дней. Он все еще верит в светлое будущее Земли, которая вращается в лучшее грядущее. И этой святой верой дышат кричащие болью строки «Галилея».

В «Каневе» сквозь душу свою автор «пропускает» тоже болезную и на сегодня проблему «село — город». Это неизбежность — на полях растут городские «бетоны», сельского жителя город гонит в свои полоны. Но путь прогресса труден и даже кровав. Поэтому Евген Плужник неоднозначен в своих оценках. Не с восторгом, а с грустью смотрит он на «индустриализацию», провидчески понимая, что цену за нее человечество заплатит немалую.

Обе поэмы написаны совершенно в разном ключе. Поразителен творческий диапазон мастера. Достаточно сказать, что каждая строфа (а их 27!) «Канева» имеет двадцать два рифмующихся слова. И при этом ведь удивительное поэтическое умение не выставляется напоказ. Его просто не замечаешь. Так ты охвачен мыслью и чувством большого таланта».

Виктор Беликов, поэт.
Россошь.

Как в поэзии, так и в прозе Евген Плужник строго исполняет завет своего великого учителя, русского поэта Николая Некрасова — «Правило следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям — просторно». В романе «Недуг» писатель старается не растекаться словесами по белостраничному полю. Краток в речи, богатой содержанием за строкой. Он зазывает читателя поразмышлять о любви, которой «все возрасты покорны». Случившееся с главным героем вроде анекдот: в возрасте его толкает бес под ребро, семейный человек из солидного начальства вдруг по-мальчишески влюбляется в артистку. Впрочем, анекдот этот вполне житейский и на все времена, в котором есть добрым молодцам урок. Преподносит его Плужник с доброй улыбкой и грустью, с пожеланием — оставаться человеком в любой передрыге, выпавшей на долю...

Интересна деталь, которая вводит в мастерскую поэта. Герой романа — Орловец Иван Семенович, фамилия — название киевского села, в каком работала старшая сестра Плужника.

* * *

Татьяна Пасова, специальный корреспондент газеты «Голос Украины»:

«А наш автобус уже направился в Россошь, где стал традиционным фестиваль Слободской украинской культуры, на который съезжаются фольклорные коллективы из окрестных районов.

Несмотря на то, что в Россошь мы прибыли очень поздно и были, по правде сказать, довольно усталыми, однако именно здесь состоялась одна из интереснейших встреч делегации с местными жителями. Нужно напомнить, что здешний край сыграл в культуре и истории Украины большую роль. Ведь отсюда родом два великих украинских деятеля: выдающийся историк и этнограф Николай Костомаров и поэт Евген Плужник. Кроме того, здесь жила племянница Тараса Шевченко — Василина Хоменко.

Имя Евгена Плужника тут не просто хорошо знают — местные поэты активно переводят на русский язык и издают целые сборники его творческого наследия. Я познакомилась с одним из переводчиков. Михаил Федорович Тимошечкин родом с Дона, но первая книга, какую он помнит с детства, была шевченковский «Заповіт». Судьбу Тимошечкина легкой не назовешь: прошел все

невзгоды второй мировой войны, а потом, как сам мне признался, постоянно получал «по голове» за привычку говорить то, что думает. На мой вопрос, почему для переводов он выбрал именно Плужника, Михаил Федорович ответил: «Поэт сумел передать исторические события эпохи, в которую ему выпало жить, в таких поэтических образах, какие раскрывают всю противоречивость истории. В его творениях сохранена великая правдивость. Недаром Плужник переводил «Тихий Дон» Михаила Шолохова...»

ПРИИСК

*Е. Плужнику, рудознатицу сокровищ
украинской речи*

Не литератор, не писатель —
Старатель-золотоискатель,
Осваивая прииск свой —
Народный говор вековой,
Оставленный тебе в наследство
Далеким слобожанским детством,
Отцом и матерью родной, —
Не в том ли прииске, Евгений,
Нашел ты для своих стихов
Песчинки круглые речений
И слитки глыбистые слов!
И не затем ли эту речь
Нес в Киев, чтобы в ней сберечь,
В породе рудоносной той,
Дух Украины Слободской!

Михаил Тимошечкин, поэт.
Россошь.

«В один из августовских дней шестьдесят лет назад я почувствовал себя особенно счастливым — я получил вест, что принят на очное отделение Литературного института имени Горького при Союзе советских писателей. Еще бы, я — студент современного Лицея. Уезжая из Россоши, проезжая соседние Сагуны, где родился, подумал: еду в Белокаменную из детства и юности. Дома я балакал, в школе — разговаривал. Это не мешало общению и взрослых, и мальчишек, пониманию друг друга. В паспорте у меня была пометка — украинец. Фамилия мамы — Яковенко, а папина еще хлеще — Шевченко. «Кобзарь» Тараса Григорьевича был у нас настольной книгой, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Никитин. Почти все их наизусть читал отец.

В семье пели русские и украинские песни. У меня трепетала душа. Пели их и в многонациональном Литературном институте.

Отец любил Киев, а переехал жить ко мне, полюбил и белокаменную Москву, ту классическую, без мини-Нью-Йорков в каждом ее районе, еще без 25-этажных коробок. И на тебе — пошли перестройщики, разобчили наше государство. Они наживаются на разобщении. Разобщенных надуть легче...

И — необыкновенной радостью недавно прозвучал полученный мною из Россоши литературный, историко-краеведческий альманах «Слобжанская тетрадь», возвращая в родную историю. Поэтесса Галина Петриева, она родом из хутора Козки Каменского района, тоже написала мне в письме: «По вечерам читаю с мужем Иваном Павловичем «Слобжанскую тетрадь», это кладезь

знаний по истории родного края. Это альманах, возвращающий величие забытым нашим землякам — историку Николаю Костомарову, поэту Евгению Плужнику».

И снова звучат слова Тараса о том, что славянство должно быть безмежным. И снова звучит мысль Гоголя о роли славян в создании многонациональной России. И как же я рад, что альманах выходит в родной Россоши, в родной Слобожанщине, давшей миру замечательных людей во всех сферах жизни, давшей женщину, подарившую миру гениального Михаила Александровича Шолохова.

И как же не порадоваться фестивалю в Россоши, тем более человеку, увенчанному к своему 80-летию званием Почетного гражданина родного города.

Да звучит Тарас:

*Всем нам вкупе на земли
Единомыслия подай и братолюбия пошли.*

Да будет так. Жива будет и родина наша.

Успехов фестивалю, с радостью возвращаюсь во все лучшее в прожитой жизни. Жаль, не могу участвовать.

Сын Слобожанщины Михаил Шевченко».

Своим литературным именем-псевдонимом Евген (Евгений) Плужник подчеркивал: родом он из воронежской слободы, и ему дорога его милая сторона в русско-украинском пограничье.

Памятным именинам — 110-летию со дня рождения — в январе 2009 года был посвящен литературный вечер. Кантемирянин собрал киевлян в «золотом зале» старинного дворца-особняка, в котором размещается Украинский фонд культуры Украины. Его председатель, известный поэт Борис Олейник сказал вступительное слово о Плужнике.

— Главное, что есть в творческом наследии Плужника? Воспитанник русской гимназии начинал писать стихи на русском языке. В годы Гражданской войны, волею судьбы оказавшись в краю отцов, он превосходно овладел глубинной украинской речью. Как никто другой, он предвидел трагедии своего века. Обращаюсь к его книге 1927 года «Ранняя осень». На ее страницах запечатлена не только боль уже минувшей братоубийственной бойни, но и явно ощутимо предчувствие еще более тяжелых испытаний.

Напомню особенно выразительный стих «Потомлені коні». Комбат в ситуации, которая уже казалась тупиковой, гонит свой отряд вперед. Твердит бойцам: «Только вперед!». И когда они прорвались, подбежали к командиру, а комбат на коне мертв. Это было предчувствие беды. Поэт владел тонким слухом на то, что назревало в стране и мире.

Плужник, несомненно, поэт волею Божьей. Самобытный. Личность, — подчеркнул Борис Ильич.

А дальше — под высокими сводами «залы» читали стихи Плужника народная артистка Украины Галина Яблонская, заслуженный артист Украины Борис Лобода. Звучали песни на стихи поэта в авторском исполнении Игоря Якубовского. О жизни и судьбе уроженца воронежского края, выпускника Бобровской гимназии рассказали поэт и литературовед, издатель Леонид Череватенко и автор этих строк.

— После многих лет забвения Плужник вернулся. И вернулся навсегда в нашу славянскую литературу, в нашу культуру, — заявил главный редактор журнала «Дніпро» Микола Лукив. — К его возрождению лично причастны как Леонид Череватенко и его единомышленники у нас и в России, так и редакция нашего журнала. Восьмидесятитысячным тиражом в 80-е годы печатали блестящее исследование Леонида Васильевича о поэте, стихи Плужника. Его ведь ни с кем не

спутаешь. Своя интонация, стилистика, взгляд на мир. Стихи его принимают простой смертный читатель и академик. Поэзия Плужника не стареет. Потому это классика, потому это гордость литератур — украинской и русской.

На вечере выступили также поэты Всеволод Ткаченко, Валерия Богуславская, Микола Ткач.

Борис Олейник особую благодарность высказал землякам поэта — воронежцам.

В достойных переводах изданы книги Плужника. В «Воронежскую историко-культурную энциклопедию» включено имя поэта. Документальная повесть «Дни ранней осени» с редкими фотографиями помещена в литературном, историко-краеведческом альманахе «Слобожанская тетрадь». На фестивалях Слободской украинской культуры, которые проводит газета «Россошь», лучшим певцам вручаются премии имени Плужника.

— Вот так надо уважать и чтить талантливого земляка, — подытожил Борис Ильич. — Будем читать и перечитывать Плужника, он очищает душу.

ГОЛОС

*Місток замілий і хисткий,
І верби в березі, і мальви,
Яку мені відкрили даль ви
Давно забуту...*

Евген Плужник

Снег кровавый межю перемел.
«Град» по небу кидает зарницы.
...Я вчера земляка перевел
Через эти глухие страницы.

На меня покосилась заря,
Как одесская память, сурова.
...Но не зря же, — с тридцатых, — не зря
Шел он к нам из тумана сырого!

И дыханием выстывшим грел
Дрожь речушки и мостик дощатый.
И белел кантемировский мел,
Заслоня цветущий Крещатик.

Тут всего перейти — только лог,
Но — расстрелянной степью донецкой...
Для того ли он смерть перемог,
Встал из тяжелой земли соловецкой,

Чтобы боль его, вздох его, взгляд,
Грусть его торопившихся книжек
Слепо ищущий «зрадників» «Град»
У России из памяти выжег?

Не захмарит свеченье строки
Правка черная века стального.
Точкой вдавлены в жизнь Соловки,
Но тому не поверило слово.

И явилось в родимом краю —
Светом горьким, не теменью схронов.
И спешащую строчку мою
Кто-то холодом за руку тронул.

Он, тот холод — он многое знал...
За межою, что встала терново,
Голос гаснущий жизнь мою звал,-
И чужой не казалась мне мова!

...Снег кровавый межу перемел.
«Град» по небу кидает зарницы...
Я поэта вчера перевел
Через эти глухие страницы.

Александр Нестругин.
Райцентр Петропавловка Воронежской области.

СОЛОВЕЦКИЙ ШЛЯХ

Человек в вериги арестантские облачен, в тюремный лагерь везут, а он — «с невольным трепетом всматривается в несокрушимую православную твердыню, воздвигнутую, чтобы противостоять любым покушениям...» Так вспоминает русский писатель Олег Волков, прошедший адовы круги и оставшийся живым, свою встречу с Соловками. «Теперь не стало больше окутывавшей остров берегаемой от века тишины; место смиренных монахов и просветленных богомольцев заступили разношерстные лагерники и свирепая охрана; уже меркли тени прежних молельников за Русь и на развалинах скитов и часовен воздвигали лобное место для всего народа, — душа и сердце продолжали испытывать таинственное влияние вершившейся здесь веками жизни... несмотря ни на что! Влияние, заставлявшее вдумываться в значение подвига и испытаний».

Не об этом ли размышлял в свой предсмертный час прикованный болезнью к нарам Плужник. Кто был рядом с ним, свидетельствует: поэт писал до самого последнего часа.

На кладбище кустиком лебеды
Расцвету...

Так и случилось.

Само Соловецкое кладбище ведь не сбереглось у стен Беломорского кремля.

Будем верить: мерзость запустения не вечна, вытравима, как из души человеческой, так и в обители. Вдохнуть тут жизнь вновь выпадает Русской Православной Церкви. Отныне и, надеемся, на века возвращается ей Соловецкий архипелаг.

Красуйтесь, новые жита, у нас!
...А в каждом колосе — мука моя...

На светлом белом Севере в монашьяй келье — настылом лазаретном казема-те — угасала в человеке жизнь. А на его родине, от слободы Кантемировка рукой подать к малому сельцу Ивановке, уже бежал в степной простор сквозь колючие терны мальчишечка. Звали его Алеша Прасолов. Бежал босиком по земле. Напрямик и напролом. Бежал, не ведал, что упала небесная звезда, опалив его своим неугасимым лучом. То старший брат незримо выводил парнишку на тяжкую торную тропу. Такой во все времена на Руси выпадала дорога поэту.